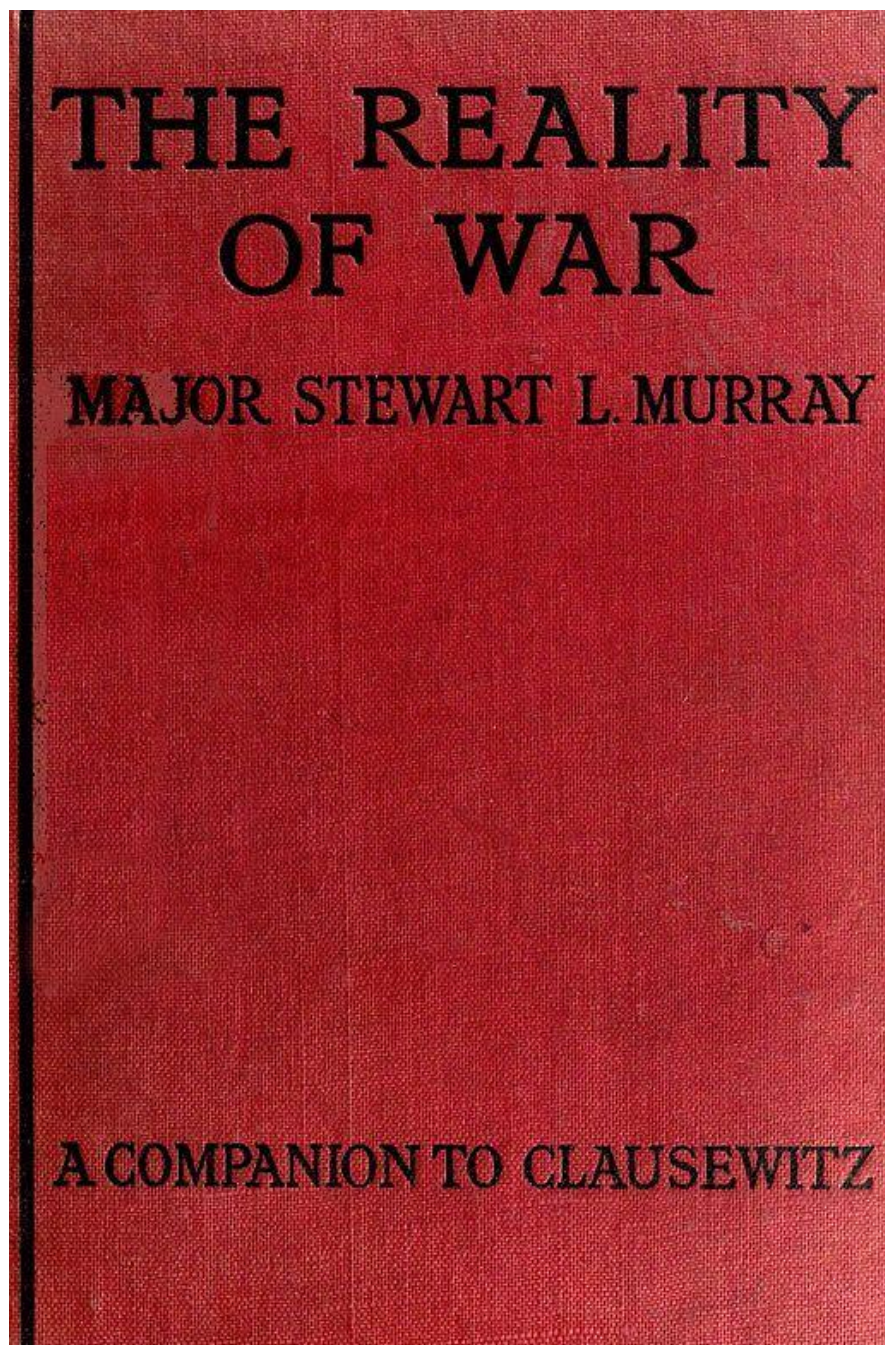

Реальность войны. Приложение к Клаузевицу

Стюарт Лайгон Мюррей

Электронная книга проекта "Гутенберг" о реальности войны: компаньон Клаузевица

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Реальность войны: Компаньон Клаузевица

Автор: Стюарт Лайгон Мюррей

Редактор: А. Хиллиард Аттеридж

Дата выхода: 17 ноября 2013 г. [Электронная книга № 44200]
Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РЕАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ: КОМПАНИОН
КЛАУЗЕВИЦА" ***

РЕАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

РЕАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ

КОМПАНИОН КЛАУЗЕВИЦА

МАЙОР СТЮАРТ Л. МЮРРЕЙ,
ПОКОЙНЫЙ ГОРДОН ХАЙЛЕНДЕРС

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. ХИЛЛИАРДА АТТЕРИДЖА

ЛОНДОН
, ПЛОЩАДЬ ХОДДЕРА И СТАУТОНА,
УОРИК-СКВЕР, ЕС

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Великие книги, шедевры специальной отрасли знания, с которой они имеют дело, часто бывают очень объемными; и занятым людям, у которых нет неограниченного времени для чтения, полезно иметь кого-то, кто даст им общее изложение учения известного писателя и укажет на наиболее важные отрывки, в которых сам автор воплощает саму суть своих аргументов.

Вот что майор Мюррей сделал для самой важной работы о войне, которая когда-либо была написана. Он не дает простого сухого изложения ее содержания. Он излагает суть учения Клаузевица таким простым языком, что даже гражданский читатель или самый молодой солдат может прочитать его с интересом, и он воплощает в своей книге самые яркие отрывки оригинального произведения. Он добавляет к каждому разделу своей темы несколько полезных критических замечаний, а в конце книги подводит итог влиянию недавних изменений на практику ведения войны.

Эта книга представляет собой популярное пособие по реалиям войны, которое следует прочитать не только солдатам, но и всем, кто проявляет разумный интерес к великим событиям нашего времени.

Что касается практической ценности трудов Клаузевица, возможно, будет уместно процитировать здесь слова мистера Спенсера Уилкинсона, профессора военной истории в Оксфорде, из его введения к оригинальному изданию работы майора Мюррея:

"Клаузевиц был прусским офицером, который впервые увидел боевые действия мальчиком в 1793 году, и чей боевой опыт продолжался до 1815 года, когда закончилась великая война. Ему было тогда тридцать пять, и следующие пятнадцать лет он потратил на попытки прояснить свой разум относительно темы войны, чего и добился, написав ряд военных историй и систематический трактат "О войне". В возрасте пятидесяти лет он упаковал свои рукописи в пакет, надеясь снова поработать над ними по завершении обязанностей, для которых его отправили из дома. Немногим более года спустя он умер в Бреслау от холеры, и статьи, в которые он так и не внес последний штрих, впоследствии были опубликованы его вдовой.

"Отчасти ценность его работы объясняется исключительными возможностями, которыми он пользовался. Когда началась война 1806 года, он долгое время был личным адъютантом одного из прусских принцев и близким другом Шарнхорста, который был, вероятно, величайшим из современников Наполеона. В период реорганизации, последовавшей за Тильзитским миром, он познакомился с Гнейзенау и почти со всеми офицерами, оставившими свой след в последующих освободительных войнах. В годы подготовки он был помощником Шарнхорста, сначала в Военном министерстве, а затем в Генеральном штабе. Во время кампании 1812 года он служил в русской армии штабным офицером. Таким образом, его опыт в течение четырех лет

Освободительных войн был опытом человека, который постоянно находился за кулисами, всегда поддерживал связь с правительствами и генералами и, следовательно, лучше, чем кто-либо, не находящийся в столь благоприятном положении, мог видеть все в должной перспективе и следовать и ценить соображения, которыми руководствовались при принятии решений как государственные деятели, так и командующие армиями. Его личный характер был безупречен, а его писания полны искренности, отсутствие которой так затрудняет доверие к сочинениям Наполеона.

"Высшая проверка ценности книг - это время. Когда Клаузевиц умер, двумя книгами о войне, которые считались лучшими, были книги эрцгерцога австрийского Карла и генерала Жomini. Сегодня книга Клаузевица "О войне" легко занимает первое место. Это наименее техническая из всех великих книг о войне; от начала до конца в ней нет ничего, кроме здравого смысла, применяемого к предмету, но по этой причине ее труднее всего переварить, потому что здравый смысл или естественное инстинктивное суждение человека по любому вопросу чрезвычайно трудно проанализировать и выразить словами. Исключительно одаренный человек может пройти через этот процесс, но немногие могут следовать ему в течение сколь угодно длительного времени без особых усилий.

"Почти каждое доброе учреждение возникло в результате попытки найти средство от какого-либо зла, но в силу несовершенства человеческой природы почти каждое учреждение приносит с собой новое зло, которому, в свою очередь, необходимо противодействовать. Современный дух, с его ненавистью к кумовству и верой в знания, привил экзаменационную систему ко всем формам образования, от низших до высших. Британская армия разделяет преимущества и недостатки системы, от которых в случае с офицером следует остерегаться опасности, заключающейся в том, что она приучает человека полагаться скорее на свою память, чем на интеллект, и больше полагаться на мышление других людей, чем на свое собственное. Клаузевиц стремился добиться прямо противоположного результата. Он не предлагает конкретных решений различных проблем войны, чтобы офицеры в моменты, когда их дело принимать решения и действовать, не пытались вспомнить его наставления вместо того, чтобы пользоваться своими глазами и умом. Его цель, скорее, состоит в том, чтобы дать им возможность понять, что такое война. Он считал, что если бы человек привык думать о войне такой, какая она есть на самом деле, познакомился с различными элементами, из которых она состоит, и научился отличать те, которые важны, от тех, которые являются сравнительными мелочами, он с большей вероятностью знал бы о себе, что делать в данной ситуации, и с гораздо меньшей вероятностью запутал бы себя, пытаясь вспомнить, что делал какой-то генерал, давно умерший, в каком-то случае, когда, в конце концов, положение ни в коем случае не совпадало с тем, в котором он оказался".

То, что сказано здесь о солдате, действительно участвующем в войне, справедливо также и для стороннего наблюдателя, который проявляет патриотический интерес к ходу войны, в которую вовлечена его страна. Если у него не будет четкого представления о реальном характере современной войны и принципах, от которых зависит успех или неудача, он будет совершенно неспособен осознать значение событий, о которых он читает каждый день. И действительно важно, чтобы во время войны каждый гражданин здраво оценивал ход событий, поскольку мнение влияет на действия, а общественное мнение складывается из идей подразделений, составляющих общественность. В этой связи хорошо иметь в виду момент, который часто упускается из виду, момент, на котором настаивает Клаузевиц в исключительно убедительном

отрывке, а именно тот факт, что одной из главных целей нации, ведущей войну, является приведение населения противника в состояние, благоприятствующее подчинению. Этот факт является достаточным доказательством важности того, чтобы общественное мнение было хорошо информировано не только о ходе событий, но и о принципах, которые придают этим событиям их реальное значение.

Содержание

ГЛАВА I

	СТРАНИЦА
ЖИЗНЬ КЛАУЗЕВИЦА	3

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ КЛАУЗЕВИЦА НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ И ВОЙНУ	11
--	----

ГЛАВА III

ТРУДЫ КЛАУЗЕВИЦА	23
------------------	----

ГЛАВА IV

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЙНЫ	33
-------------------------	----

ГЛАВА V

МАСШТАБ УСИЛИЙ, ТРЕБУЕМЫХ В СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЙНЕ	47
--	----

ГЛАВА VI

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА ВОЙНЕ	65
------------------------------	----

ГЛАВА VII

ПРИРОДА ВОЙНЫ	79
---------------	----

ГЛАВА VIII

ВОЙНА КАК ПОЛИТИКА	119
--------------------	-----

ГЛАВА IX

СТРАТЕГИЯ	137
-----------	-----

ГЛАВА X

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ	161
-------------------------	-----

ГЛАВА XI

ТАКТИКА	177
---------	-----

ГЛАВА XII

ИЗМЕНЕНИЯ СО ВРЕМЕН КЛАУЗЕВИЦА	213
--------------------------------	-----

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ КЛАУЗЕВИЦА

В попытке, подобной нынешней, заинтересовать британскую общественность даже величайшим военным писателем, прежде всего необходимо показать, что он не был простым теоретиком или книжным червем. Обширный и разнообразный опыт, который британский офицер постепенно приобретает в стольких различных частях света, выявляет слабые места большинства теорий и порождает определенное недоверие к ним. Также недоверие к теории, несомненно, является одной из наших национальных особенностей. Следовательно, чтобы понравиться британскому офицеру или гражданскому лицу, писатель должен быть практичным солдатом.

Таким был генерал Клаузевиц: практичный солдат с очень большим опытом в длинной серии войн с 1793 по 1815 год, присутствовавший в самой ужасной из всех кампаний - русской кампании Наполеона в 1812 году.

"Генерал Карл фон Клаузевиц родился недалеко от Магдебурга в 1780 году и вступил в прусскую армию в качестве фанен-юнкера в 1792 году. Он участвовал в кампаниях 1793-1794 годов на Рейне. В 1801 году он поступил офицером в военную школу в Берлине и оставался там до 1803 года. Здесь он привлек внимание Шарнхорста. В кампании 1806 года он служил адъютантом принца Августа Прусского, присутствовал в битве при Йене и был свидетелем того ужасного отступления, которое две недели спустя закончилось капитуляцией в Прентцлау. Будучи раненым и захваченным в плен, он был отправлен во Францию в качестве пленного до конца войны". "По возвращении (в ноябре 1807 г.) он был зачислен в штаб генерала Шарнхорста, и был занят продолжавшейся в то время работой по реорганизации прусской армии. В 1812 году Клаузевиц поступил на русскую службу, служил в генеральном штабе и, таким образом, смог приобрести большой опыт в самой гигантской из всех битв своего времени". "В весенней кампании 1813 года (сражения при Лютцене, Бауцене и т.д.) Он, как русский офицер, был прикреплен к штабу Блюхера; во время зимней кампании он нашел работу в качестве начальника штаба графа Вальмодена, который сражался против Даву на Нижней Эльбе, и блестящие действия Герде были полностью результатом его умелого расположения. В 1815 году он снова поступил на прусскую службу и был начальником штаба III дивизии. Армейский корпус (Тильман), который при Линьи образовывал левую часть линии фронта, а при Вавре прикрывал тыл армии Блюхера". "В дополнение к этому, мы можем сказать, значительной практической подготовке (заметьте, действительно огромной и разнообразной по сравнению с любой доступной в наши дни), он также обладал всесторонними и основательными знаниями военной истории, а также необычайно ясным восприятием всеобщей истории" (Фон Кеммерер). После заключения мира он служил в командовании на Рейне. В 1818 году он стал генерал-майором и был назначен директором Военной школы в Берлине. Здесь он оставался несколько лет. Это был главный период его творчества. Как пишет генерал фон Кеммерер в своем "Развитии стратегической науки": "Этот практичный и опытный и в то же время высококультурный солдат чувствует сейчас, в мирном покое, как он сам признается, настоятельную необходимость развивать и систематизировать весь занимающий его мир мыслей, но в то же время решает до самой смерти хранить в секрете плоды своих исследований, чтобы его душа, жаждущая *Истины*, могла быть надежно и окончательно избавлена от всех соблазнов, исходящих из второстепенных соображений".

В 1830 году он был назначен директором артиллерии в Бреслау и, поскольку у него больше не было времени писать, запечатал и убрал свои бумаги, какими бы незаконченными они ни были. В том же году он был назначен начальником штаба армии фельдмаршала Гнейзенау. Зимой того же года война с Францией считалась неизбежной, и у Клаузевица были перспективы исполнять обязанности начальника генерального штаба главнокомандующего Гнейзенау. Затем он составил два плана войны с Францией, на которых лежит печать того практического знания войны и приспособления средств к целям, которые отличают его труды.

В том же году военная паника миновала, армия Гнейзенау была расформирована, и Клаузевиц вернулся в Бреслау, где через несколько дней заболел холерой и умер в ноябре 1831 года в возрасте всего 51 года.

Его работы были опубликованы после его смерти его вдовой.

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ КЛАУЗЕВИЦА НА СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТИКУ И ВОЙНУ

Со дня их публикации и до настоящего времени влияние трудов Клаузевица неуклонно росло, и сегодня невозможно переоценить степень этого влияния на современную военную и политическую мысль, особенно в Германии. Как говорит генерал фон Кеммерер в своей книге "Развитие стратегической науки": "Карл фон Клаузевиц, ученик и друг Шарнхорста и доверенное лицо Гнейзенау, в Германии общепризнан как самый выдающийся военный теоретик, как настоящий философ войны, которому наши знаменитые победители на более современных полях сражений обязаны своим духовным воспитанием".

Фельдмаршал Мольтке был "его самым выдающимся учеником" и приспособил учение Клаузевица к условиям сегодняшнего дня.

Генерал фон дер Гольц во введении к своему великому труду "Вооруженная нация" так описывает почитание, которое он внушает: "Военный писатель, который вслед за Клаузевицем пишет на тему войны, рискует быть уподобленным поэту, который вслед за Гете пытается изобразить *Фауста* или, вслед за Шекспиром, *Гамлета*. Все важное, что можно рассказать о природе войны, можно найти в стереотипных произведениях, которые оставил после себя этот великий военный гений. Хотя сам Клаузевиц описал свою книгу как нечто еще незавершенное, это его замечание следует понимать как означающее, что он тоже был подвержен судьбе всех устремленных душ и был вынужден чувствовать, что все, чего он достиг, было намного ниже его идеала. Для нас, которые не знали, что это за идеал, его труды - законченный труд. Соответственно, я не пытался написать что-либо новое или универсально применимое о науке ведения войны, но ограничился тем, что обратил свое внимание на военные операции наших дней". Вряд ли можно представить себе более сильную дань восхищения.

И, как Мольтке был самым выдающимся учеником Клаузевица, так и все те, кто обучался в школе Мольтке, являются учениками Клаузевица, включая самых выдающихся современных немецких военных писателей, таких как генерал фон Блюме в его "Стратегии"; фон дер Гольц в его "Вооруженной нации" и "Ведении войны", которые готовили турецкий генеральный штаб к

кампании 1897 года против Греции и битве при Фарсалии и т.д.; генерал фон Богуславский; генерал фон Верди дю Вернуа, генерал отец изучения прикладной тактики; генерал фон Шлихтинг в своих "Тактических и стратегических принципах современности"; генерал Меккель, обучавший японский персонал, и т.д., и т.п.

Мы все помним телеграмму, отправленную генералу Меккелю маршалом Оямой после битвы при Ляоянге: "Мы надеемся, что вы гордитесь своими учениками".

Некоторое время назад, когда меня попросили прочитать лекцию в Олдершоте для офицеров 2-й дивизии о Клаузевице, мне пришло в голову, что было бы очень интересно, поскольку все мы тогда стремились узнать причины замечательной эффективности и успеха японцев, если бы я мог получить заявление генерала Меккеля о том, насколько сильно Клаузевиц повлиял на него в его преподавании. Мой друг герр фон Донат оказал мне услугу, написав генералу фон Кеммереру и спросив его, не может ли он раздобыть для меня такое заявление, которое я мог бы опубликовать. Генерал Меккель, смерть которого с тех пор оплакивают и Япония, и Германия, очень любезно согласился, и я почитаю за большую честь иметь возможность процитировать часть его письма. Он сказал: "Я, как и любой другой немецкий офицер, сознательно или бессознательно проводил инструктаж в духе Клаузевица. Клаузевиц является *основателем* той теории войны, которая возникла в результате наполеоновской войны. Я утверждаю, что *каждый*, кто в наши дни ведет войну или преподает ее в современном смысле, опирается на Клаузевица, даже если он этого не осознает". Это мнение генерала Меккеля, чьей подготовке японского Генерального штаба в значительной степени следует приписать успех японских армий, является наиболее интересным. Невозможно привести более сильный или актуальный пример величины влияния Клаузевица.

В этой связи я хотел бы привести короткую цитату из статьи военного корреспондента *Times* "Война на Дальнем Востоке". В своей короткой, но наводящей на размышления главе "Клаузевиц в Маньчжурии" он говорит: "Но поскольку все, за исключением одного из великих сражений в Маньчжурии, велось японцами в точном соответствии с духом и почти буквой доктрины Клаузевица, и поскольку те же сражения велось русскими с абсолютным пренебрежением к ним (хотя его работы были переведены на русский генералом Драгомировым задолго до войны), безусловно, стоит показать, как чтение и размышления могут принести пользу одной армии и как пренебрежение этой уважаемой практикой может погубить другую". "Клаузевиц в Маньчжурии"! Это вводит нас в курс дела. Его влияние достигло невероятных масштабов и восторжествовало.

Размышления

Клаузевиц написал свою книгу специально для государственных деятелей, а также для солдат. Поэтому мы можем быть уверены, что влияние Клаузевица на Континент проникло в сферу политики немногим менее широко, чем в сферу войны. Из этой мысли вытекает множество размышлений. Здесь будет достаточно предложить одно. Я бы предположил, что мы должны рассматривать каждого иностранного государственного деятеля, особенно в Германии, как, сознательно или бессознательно, ученика Клаузевица. Иными словами, мы должны рассматривать его как человека, который, несмотря на все остальное, несмотря на самые миролюбивые заверения на данный момент, считает войну неизменной частью политики. Он

будет рассматривать войну как часть обычных взаимоотношений наций, а случайные военные столкновения столь же неизбежны, как и коммерческая борьба. Он будет рассматривать войну также как инструмент политики, который ему самому, возможно, придется использовать, и который следует изучать соответствующим образом. Он будет рассматривать это не просто как предмет для выступлений, а для практического использования в продвижении или защите интересов своего государства. Он будет рассматривать войну как средство, с помощью которого когда-нибудь его нация навязает свою волю другой нации. Он будет готов ждать и дальше, провести "все мыслимые приготовления" и, наконец, развязать войну в ее самом абсолютном и безжалостном характере, войну, проводимую с использованием предельных средств, предельной энергии и предельных усилий всей вооруженной нации, преисполненной решимости достичь своей политической цели и силой заставить подчиниться своей воле.

Говорить с таким человеком о "зле войны" или о "бремени вооружений"; или предлагать ему "разоружение" или "сокращение вооруженных сил" и так далее может показаться ему только результатом "несовершенного знания". Он этого не скажет, но он будет так думать и действовать соответственно. Частично проинструктированному противнику такого человека можно только сказать: "Пусть тот, кто думает, что он стоит, остерегается, чтобы не упасть".

ГЛАВА III ТРУДЫ КЛАУЗЕВИЦА

Труды Клаузевица содержатся в девяти томах, опубликованных после его смерти в 1831 году, но его слава основана главным образом на трех томах "О войне", которые были переведены полковником Дж. Дж. Грэмом (последнее издание отредактировано полковником Ф. Н. Модом и опубликовано господами Дж. Киган Пол, Лондон). Клаузевиц называет их "собранием материалов", "массой концепций, не облеченных в форму", и заявляет, что он намеревался пересмотреть и придать целому более законченную форму.

Мы должны сожалеть о том, что он не дожил до завершения своей редакции. Но, с другой стороны, возможно, что это незавершенное состояние действительно является преимуществом, поскольку оно оставляет нам свободу применять его великие максимы, принципы и образ мышления к постоянно меняющимся условиям настоящего и будущего, не стесненным слишком полной кристаллизацией его идей, написанных до появления более современных железных дорог, телеграфа, быстродействующего высокоточного оружия большой дальности и т.д. Возможно, именно это незавершенное состояние делает Клаузевица столь тесно связанным с поступательным движением и эволюцией военной мысли и частью этого процесса. Ибо его великой целью была "правда, вся правда и ничего, кроме правды", без предубеждений или предпочтений, насколько это было возможно для него — по сути, "реалиста" войны — а какую лучшую цель мы можем поставить перед собой?

Как хорошо выразился сэр Артур Хелпс в своих "Друзьях в совете", каждому человеку нужен своего рода стержень для его чтения и культуры. Я хочу здесь сказать, почему я думаю, что Клаузевиц превосходно приспособлен для формирования такого основного стержня в военной культуре британских офицеров.

Во-первых, в его произведениях есть некий возвышенный тон, который постепенно осознаешь по мере их чтения, и который я не буду пытаться описать дальше, чем сказав, что они характеризуют себя как произведения джентльмена с прекрасным характером.

Во-вторых, это книга, которую может прочитать "любой парень", потому что в ней нет ничего, что могло бы "оттолкнуть", ничего заумного, математического или формального, никаких формул, линий, углов и технических терминов, таких как у других авторов, Жомини, Хэмли и т.д. Клаузевиц свободен от всех подобных педантизмов, которые, с моей стороны, и, осмелюсь сказать, со стороны многих других, часто "отталкивают" от книги и заставляют человека инстинктивно чувствовать, что в ней есть что-то неправильное, что-то непрактичное, из-за чего она вряд ли стоит жертвенного времени, затраченного на ее изучение. У Клаузевица вообще нет ничего подобного. Все эти линии, углы и формулы он отмечает на нескольких страницах как не имеющие большого практического значения.

В-третьих, Клаузевиц опирается только на опыт и практические факты войны. Как он несколько поэтично выразился, "Цветы Спекуляции требуют, чтобы их срезали низко, рядом с почвой Опыта, их надлежащей почвой".¹ Он - великий апостол человеческой природы и характера, которые являются всем на войне. "Любая война предполагает человеческую слабость, и против нее она направлена".² Я полагаю, что британский офицер разделит мнение великого мыслителя о войне, который утверждает, что *"Из всех военных добродетелей Энергия в ведении операций всегда больше всего способствовала славе и успеху оружия"*.³

В-четвертых, практическому уму понравится его осуждение всех тщательно продуманных планов, потому что для всех тщательно продуманных комбинаций требуется *время*, а время — это как раз то, чего активный враг нам не даст, - и его вытекающий из этого вывод, что все планы должны иметь как можно более простую форму. Его знаменитая фраза *"На войне все просто, но простое сложно"*⁴ дает ключ к его трудам, поскольку *преодоление этих простых, но больших трудностей он считает военным искусством*, которое может быть достигнуто только такими военными добродетелями, как настойчивость, энергия и смелость.

В-пятых, он не хочет, чтобы люди были книжными червями, ибо он говорит:

"Теория - это не что иное, как рациональное размышление обо всех ситуациях, в которые нас может поставить война".⁵ И мы все можем поразмыслить, не читая слишком много книг. Также он говорит: "Для достижения вышеуказанной цели не требуется много читать по истории. Знание нескольких отдельных сражений, *в их деталях*, более полезно, чем общее знание нескольких кампаний. По этой причине полезнее читать подробные повествования и дневники, чем обычные исторические труды".⁶ Он хочет знать историю в деталях, а не ее поверхностное изложение и расплывчатое применение, что он решительно осуждает. И он прямо заявляет, что история самой последней войны является наиболее полезной. Все это очень практично и соответствует тому, что мы считаем правдой.

Когда он изображает войну, *"борьба между духовными и нравственными силами с обеих сторон является центром всего"*,⁷ и этому аспекту предмета он уделяет гораздо больше внимания, чем Жомини и большинство учеников Жомини. Он раз и навсегда освободил нас от всякого формализма. Формирование характера, тщательное, практическое, детальное изучение и тщательная подготовка в мирное время, самые простые планы, осуществляемые с предельным упорством, решимостью, энергией и отвагой на войне, — вот практические плоды его учения.

Поэтому я повторяю еще раз, что не думаю, что британский офицер мог бы найти более интересное или лучшее руководство для основного направления своего чтения, чем Клаузевиц, или кого-либо, кто хотя бы наполовину соответствовал бы его практическому чутью на то, что *Истинно*. Я не верю, что он мог бы добиться большего успеха, чем с Клаузевицем в качестве основной основы и подробным изучением последних кампаний и современных технических деталей в качестве актуального дополнения, необходимого для преобразования знаний в действия. Я надеюсь, что каждый читатель Клаузевица согласится со мной в этом.

ГЛАВА IV ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЙНЫ

"Мольтке, самый одаренный ученик Клаузевица", "Мольтке, который хорошо знал книгу Клаузевица и часто любил называть его инструктором-теоретиком". Как сказал бы Чосер, "Что еще нуждается в словах?"

Клаузевиц рассматривал практически все основные области стратегии и тактики (за исключением, конечно, современных разработок железных дорог, телеграфов, скорострельных ружей, бездымного пороха, армий универсального обслуживания и т.д.). Весь его объемистый труд "О войне" полон интересных, иногда красноречивых и почти поэтических пассажей, концентрированных, содержательных и далеко идущих мыслей по каждому вопросу. На протяжении всего этого, конечно, невозможно следовать за ним ни в каком введении. На самом деле можно сделать не больше, чем призвать всех прочитать Клаузевица самим, отправиться к истокам, к самому главному произведению. Поэтому за то короткое время, которым я себя ограничил, я предлагаю сосредоточиться на нескольких его ведущих идеях, неохотно опуская многие другие, которые на самом деле почти так же хороши.

Теория и практика

Одна из вещей, за которую мы больше всего обязаны Клаузевицу, заключается в том, что он ясно показал нам надлежащее место теории по отношению к практике. "Это должно воспитывать ум будущего полководца на войне или, скорее, направлять его *самообучении*, но не сопровождать его на поле боя; точно так же, как толковый наставник формирует и просвещает открытый ум юноши, не держа его, следовательно, на переднем крае всю его жизнь".⁸ Опять же, "В реальных действиях большинство людей руководствуются тактом суждения, которое более или менее точно попадает в цель, в зависимости от того, обладают они большей или меньшей гениальностью. Именно так действовали все великие полководцы, и в этом отчасти заключались их величие и гениальность, в том, что они всегда с помощью этого такта находили то, что было правильным. Таким образом, он также всегда будет в *действии*, и пока этого такта вполне достаточно. Но когда речь идет не о том, чтобы действовать самому, а о том, чтобы убедить других, *консультируясь*, тогда все зависит от четких концепций, демонстраций и присущих им взаимосвязей; и в этом отношении был достигнут столь незначительный прогресс, что большинство обсуждений представляют собой просто словесную перебранку, не опирающуюся на твердую основу и заканчивающуюся либо тем, что каждый придерживается своего собственного мнения, либо компромиссом из взаимных

соображений уважения, промежуточным путем, на самом деле не имеющим никакой ценности. Следовательно, четкие идеи по этим вопросам не являются полностью бесполезными".⁹

Насколько это верно, согласится любой, кто задумается на мгновение о большом разнообразии мнений почти по каждому предмету, которого придерживаются в нашей армии, именно из-за отсутствия центральной теории, общей для всех. Очевидно, что в области тактики это справедливо так же, как и в стратегии, поскольку общая центральная теория войны создаст более или менее общий взгляд на вещи, из которого вытекают более или менее общие действия, направленные на достижение общей цели.

Отказ от множества и геометрических теорий

"Это должно воспитывать разум будущего военного лидера" - вот чего Клаузевиц требует от полезной теории; но он самым недвусмысленным образом отвергает любые попытки метода, "с помощью которого определенные планы войн или кампаний должны выдаваться полностью готовыми, как будто из машины".¹⁰ Он издевается над тем, что Бюлов сначала включил в один термин "база" всевозможные вещи, такие как снабжение армии, ее подкрепления и снаряжение, безопасность ее коммуникаций с родной страной и, наконец, безопасность ее линии отступления, а затем определил протяженность базы и, наконец, угол протяженности этой базы: "И все это было сделано просто для получения чистого геометрического результата, совершенно бесполезного" (Фон Кеммерер).

По той же причине принцип Внутренней линии Жомини не удовлетворяет его из-за своей простой геометрической природы, хотя он охотно признает, "что он покоится на прочном фундаменте, на истине, что бой является единственным эффективным средством на войне" (Фон Кеммерер). Поэтому все подобные попытки теории кажутся ему совершенно бесполезными, "потому что они стремятся работать с фиксированными величинами, в то время как на войне все *неопределенно*, и все соображения должны считаться со всевозможными переменными величинами; потому что они рассматривают только *материальные* объекты, в то время как каждое действие на войне насыщено *моральными* силами и следствиями; наконец, потому что они имеют дело только с действиями *одной* стороны, в то время как война является постоянным взаимным воздействием *обеих* сторон" (Фон Кеммерер).

"Пожалейте воина, - говорит Клаузевиц, - который довольствуется тем, что ползает в этом убожестве правил". "Пожалейте теорию, которая противопоставляет себя разуму"¹¹ (обратите внимание на моральные силы).

Теория, которая будет практически полезна

Клаузевиц настаивает на том, что полезная теория не может быть чем-то большим, чем доскональное знание военной истории и "размышление обо всех ситуациях, в которые мы можем попасть на войне". "То, что делает гений, должно быть просто лучшим из всех правил, и теория не может быть лучше, чем показать, как и почему это так". "Это аналитическое исследование предмета, которое ведет к точному знанию: и если опираться на результаты опыта, которым в нашем случае была бы военная история, *к тщательному* знакомству с ним. Если теория исследует предметы, составляющие войну; если она более отчетливо разделяет то, что на первый взгляд кажется объединенным; если она полностью объясняет свойства средств;

если она показывает их вероятные последствия; если она делает очевидной природу объектов; *если она проливает на все поле войны свет по существу критического исследования*, - тогда она выполнила главные обязанности своей области. Тогда это становится руководством для того, кто хочет познакомиться с войной по книгам; это освещает ему весь путь, облегчает его продвижение, воспитывает его суждения и ограждает его от ошибок".¹²

Знания должны быть основательными

Это Клаузевиц считает наиболее важным. Он говорит, что "Знание ведения войны ... *должно полностью перейти в разум* почти перестать быть чем-то объективным". Ибо на войне "Моральная реакция, постоянно меняющаяся форма вещей делают необходимым для главного действующего лица носить в себе весь ментальный аппарат своих знаний, чтобы в любом месте и при каждом ударе пульса он мог быть способен принять требуемое решение *от себя*. Знание должно быть преобразовано путем полной ассимиляции с его собственным разумом и жизнью в реальную силу".

Итак, вот и все для Клаузевица как величайшего, но в то же время самого простого и наименее теоретичного из теоретиков войны. Запомните хорошенько его утешительное изречение о том, что "Теория - это не что иное, как рациональное осмысление всех ситуаций, в которые мы можем быть поставлены на войне". Это задача, к которой мы все более или менее стремились. Следовательно, все мы в большей или меньшей степени теоретики. Единственный вопрос заключается в сравнительной "тщательности" наших размышлений. И именно в этой "тщательности" исследования и рефлексии Клаузевиц, по сути, помогает нам. Как и любая другая привычка, *привычка* к военным размышлениям постепенно растет по мере использования; пока, укрепленная подробными знаниями, она постепенно не становится Силой.

Размышления

Теория войны проста, и нет никаких причин, по которым любой человек, решивший взять на себя труд внимательно прочитать и поразмыслить над одной или двумя признанными лучшими книгами по ней, не должен получить о ней достоверного представления. Он может с разумными трудностями приобрести такие знания теории войны, которые позволят ему с разумной оценкой следить за рассуждениями опытного солдата или солдаток. Такое знание, которое предотвратит его неправильное понимание аргументации опытного солдата из-за чистого невежества, и такое знание, которое позволит ему понять выдвигаемые военные доводы и предлагаемую военную цель. К мнению такого человека следует относиться со всем уважением. Так, и только так.

В самом деле, прямой долг всех, кто стремится править либо таким образом, либо научиться понимать военные интересы государства, либо воздерживаться от вмешательства в них.

ГЛАВА V

МАСШТАБ УСИЛИЙ , НЕОБХОДИМЫХ В СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВОЙНЕ

Этот момент здесь проиллюстрирован более подробно у Клаузевица, чем кому-то может показаться необходимым, потому что именно этот момент, касающийся современной войны, наименее понятен в этой стране.

"Полное свержение врага является естественным завершением военного искусства".

"Поскольку эта идея должна применяться к обеим воюющим сторонам, из этого должно следовать, что не может быть приостановки военных действий, и мир не может наступить до тех пор, пока одна или другая из заинтересованных сторон не будет полностью свергнута". Это то, что Клаузевиц подразумевает под Абсолютной войной, которая - это война, доведенная до своего абсолютного и логического завершения с предельной силой, предельными усилиями и предельной энергией. Затем он продолжает показывать, что война, вследствие "всей естественной инертности и трения ее частей, всей непоследовательности, расплывчатости и колебаний (или робости) человеческого разума", обычно принимает более слабую или менее абсолютную форму в зависимости от обстоятельств. "Все это теория должна признать, но ее долг - отвести первостепенное место абсолютной форме войны и использовать эту форму в качестве общего ориентира". Затем он продолжает показывать, что война окончательно приняла свою абсолютную форму при Наполеоне. Сегодня мы можем сказать, что война принимает свою абсолютную форму в современной великой национальной войне, которая ведется каждой воюющей стороной со всей сосредоточенной физической и умственной мощью нации с оружием в руках.

На этом следует остановиться немного подробнее, поскольку это наиболее важный момент.

Клаузевиц в книге VIII подходит к этой части своего предмета с помощью исторического обзора войны со времен Римской империи до правления Наполеона. Он показывает, как по мере постепенного слияния феодальной системы с более поздними монархическими государствами Европы армии постепенно становились все менее и менее национальными, все более и более наемными. Опустив это, мы попадаем в семнадцатый век. Он говорит: "Конец семнадцатого века, время правления Людовика XIV, следует рассматривать как момент в истории, когда постоянная военная мощь, такая, какой она существовала в восемнадцатом веке, достигла своего зенита. Эта военная сила была основана на призыве и деньгах. Государства организовались в полное единство; и правительства, заменив личные услуги своих подданных денежными платежами, сосредоточили всю свою власть в своих казначействах. Благодаря быстрым шагам в области социальных улучшений и более просвещенной системе правления эта власть стала очень велика по сравнению с тем, какой она была раньше. Франция выступила на поле боя с постоянной армией в пару сотен тысяч человек, и другие державы были пропорциональны ей".

Армии содержались за счет казны, которую государь частично рассматривал как свой личный кошелек, по крайней мере, как ресурс, принадлежащий правительству, а не народу. Отношения с другими государствами, за исключением нескольких коммерческих вопросов, в основном касались только интересов казны или правительства, а не интересов народа; по крайней мере, идеи повсеместно развивались в этом направлении. Таким образом, кабинеты министров

рассматривали себя как владельцев и управляющих большими поместьями, которые они постоянно стремились увеличить, при этом арендаторы этих поместий не были особенно заинтересованы в этом улучшении.

Таким образом, люди, которые во время татарских нашествий были всем на войне, которые в старых республиках и в Средние века имели большое значение, в восемнадцатом веке были непосредственно абсолютно ничем.

Таким образом, по мере того, как правительство все больше отделялось от народа и рассматривало себя как Государство, война становилась все более и более исключительно делом правительства, которое оно вело с помощью денег из своей казны и праздных бродяг, которых оно могло подобрать в своей собственной и соседних странах. Армия была государственной собственностью, очень дорогой, и ею нельзя было легкомысленно рисковать в бою. "По своему значению война была лишь несколько усиленной дипломатией, более энергичным способом ведения переговоров, в котором сражения и осады заменялись дипломатическими нотами".

"Разграбление и опустошение вражеской страны больше не соответствовали духу эпохи". "На них справедливо смотрели как на ненужное варварство". "Таким образом, война все больше и больше ограничивалась, как в отношении средств, так и в отношении целей, самой армией. Армия с ее крепостями и некоторыми подготовленными позициями представляла собой государство в государстве, внутри которого стихия войны постепенно поглощала саму себя. Вся Европа радовалась тому, что она выбрала это направление, и считала его необходимым следствием духа прогресса".

Так думают многие в этой стране сегодня. Они всего на сто лет отстали от времени.

"План войны со стороны государства, предпринимавшего наступление, в те времена состоял обычно в завоевании той или иной провинции противника; план обороняющейся стороны состоял в том, чтобы предотвратить это. План кампании состоял в том, чтобы взять ту или иную крепость противника или предотвратить взятие одной из наших собственных; только когда сражение становилось неизбежным для этой цели, его искали и вели. Тот, кто сражался в битве без этой неизбежной необходимости, просто из врожденного желания одержать победу, считался слишком отважным полководцем". Ибо армии были слишком ценны, чтобы ими можно было легкомысленно рисковать. "Зимние квартиры, на которых взаимные отношения двух сторон почти полностью прекратились, служили четким ограничением деятельности, которая считалась принадлежащей одной кампании". "До тех пор, пока война повсеместно велась таким образом, все считалось в самом обычном порядке". "Таким образом, появились возвышенность и совершенство всех видов, и даже фельдмаршал Даун, которому главным образом был обязан тем, что Фридрих Великий полностью достиг своей цели, а Мария Терезия полностью потерпела неудачу в своей, несмотря на то, что все еще могла сойти за великого полководца".

Дальше этой стадии военной мысли многие в нашей стране еще не продвинулись.

"Так обстояли дела, когда разразилась Французская революция; Австрия и Пруссия испробовали свое дипломатическое искусство ведения войны; очень скоро этого оказалось недостаточно. В то время как, согласно обычному взгляду на вещи, в 1793 году все надежды возлагались на очень ограниченные военные силы, появилась такая сила, о которой никто не имел ни малейшего представления. Война внезапно снова стала делом народа, причем народа численностью в тридцать миллионов человек, каждый из которых считал себя гражданином государства". *"Благодаря этому участию народа в войне* вместо кабинета министров и армии на чашу весов легла целая нация с ее естественным весом. Отныне доступные средства — усилия, которые могли быть задействованы, — больше не имели каких-либо определенных пределов; энергия, с которой могла вестись сама война, больше не имела противовеса, и, следовательно, опасность для противника возросла до крайности".

Если бы только наши политики могли усвоить этот старый урок Французской революции! Многие, слишком многие из них, похоже, черпают свои представления о войне в наши дни из каких-то смутных воспоминаний о школьных историях войн семнадцатого и восемнадцатого веков.

Продолжаю: "После того, как все это было доведено до совершенства рукой Бонапарта, эта военная мощь, основанная на силе всей нации, прошла маршем по Европе, разбивая все вдребезги так уверенно, что там, где она сталкивалась только со старомодными армиями, результат ни на минуту не вызывал сомнений.

"Реакция, однако, пробудилась в свое время. В Испании война сама по себе стала делом народа". В Австрии. В России. "В Германии Пруссия восстала первой, сделала войну национальным делом и, не имея ни денег, ни кредита, с населением, сократившимся наполовину, вышла на поле боя с армией, вдвое большей, чем в 1806 году. Остальная Германия рано или поздно последовала примеру Пруссии". "Таким образом, Германия и Россия в 1813 и 1814 годах выступили против Франции примерно с миллионом человек".

"В этих обстоятельствах энергия, направленная на ведение войны, была совершенно иной". "За восемь месяцев театр военных действий переместился от Одера до Сены. Гордому Парижу впервые пришлось склонить голову, и грозный Бонапарт лежал скованный на земле".

Следовательно, со времен Бонапарта война, будучи сначала с одной, а затем и с другой стороны делом всей нации, приобрела совершенно новый характер, или, скорее, она гораздо ближе приблизилась к своей реальной природе, к своему абсолютному совершенству. Средства, которые тогда были задействованы, не имели видимого предела, и этот предел терялся в энергии и энтузиазме правительства и его подданных. Благодаря размаху средств и широкому диапазону возможных результатов, а также сильному эмоциональному возбуждению, которое преобладало, энергия в ведении войны была чрезвычайно увеличена; целью ее действий было поражение противника; и предполагалось, что только до тех пор, пока враг бессильно лежал на земле, можно было остановиться или прийти к какому-либо взаимопониманию относительно взаимных целей сражения.

Таким образом, стихия войны, освобожденная от всех обычных ограничений, вырвалась на свободу со всей своей естественной силой. Причиной было участие народа в этом великом государственном деле, и это участие возникло частично из-за влияния Французской революции

на внутренние дела других стран, частично из-за угрожающего отношения французов ко всем нациям.

"Теперь, будет ли это всегда иметь место в будущем, будут ли все войны в Европе впредь вестись со всей мощью государств и, следовательно, *будут иметь место только из-за больших интересов, тесно затрагивающих людей*, было бы трудным вопросом для решения. Но каждый согласится с нами, что, по крайней мере, *всякий раз, когда возникают споры о великих интересах*, взаимная враждебность проявляется таким же образом, как это было в наше время".

Размышления

Это настолько верно, что каждая война со времен Клаузевица делала ее истину более очевидной. С тех пор как он написал, участие народа в войне стало не революционным фактом, а организованным фактом, обычным фактом повседневной жизни наций. Сегодня каждое государство, за исключением Великобритании, надежно основанное на системе всеобщего обучения своих сыновей оружию, готово защищать свои интересы всей сосредоточенной мощью, физической, интеллектуальной и материальной, всего своего мужества.

Следовательно, европейская война, как предвидел Клаузевиц, "произойдет только из-за великих интересов, тесно затрагивающих народы". Характер такой войны будет абсолютным, целью ее действий будет низвержение врага, и только до тех пор, пока враг (будь то Великобритания или нет) не будет бессильно лежать на земле, будет считаться возможным остановиться. В ведении такой национальной войны доступные средства, энергия и прилагаемые усилия будут безграничны. Такими должны быть конфликты вооруженных наций.

Однако даже сейчас, спустя столько лет после того, как Клаузевиц написал, в надежде, как он сам заявил, "разглядеть многие складки в головах стратегов и государственных деятелей", великая трансформация характера современной войны, обусловленная участием в ней народа, еще не была должным образом осознана многими людьми в этой стране, *которым следовало бы знать*. Следует искренне надеяться, что они постараются приспособить свое сознание в отношении войны к факту, что мы живем не в восемнадцатом веке, а в двадцатом, и что они будут считать, что война раз и навсегда стала делом народа, что нашими противниками будут вооруженные люди, использующие все свои возможности, чтобы сокрушить нас, и что катастрофу можно предотвратить только такими же предельными усилиями с нашей стороны, усилиями, не считающимися ни с чем, кроме самосохранения.

ГЛАВА VI ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НА ВОЙНЕ

"Война относится не к области искусств и наук, а к области общественной жизни. Это конфликт больших интересов, который разрешается кровопролитием, и только в этом отношении он отличается от других. Было бы лучше, вместо того чтобы сравнивать это с каким-либо искусством, сравнить это с торговлей, которая также является конфликтом человеческих интересов и деятельности; и все же это больше похоже на государственную политику, которая,

опять же, со своей стороны, может рассматриваться как разновидность торговли в больших масштабах. Кроме того, государственная политика - это чрево, в котором развивается война, в котором ее очертания скрыты в зачаточном состоянии, подобно качествам живых существ в их зародыше".¹³

Эти конфликты интересов могут постепенно вызвать такое состояние чувств, что "даже самые цивилизованные нации могут вспылать страстной ненавистью друг к другу". Философу, социальному реформатору неприятно размышлять над этим фактом, но история повторяет урок снова и снова. Более того, "Вполне возможно, что между двумя государствами существует такое состояние чувств, что очень незначительный политический мотив для войны может произвести эффект, совершенно непропорциональный — фактически, идеальный взрыв".

"Война — это удивительная троица, состоящая из изначального насилия ее элементов — ненависти и враждебности, - которые можно рассматривать как слепой инстинкт; игры вероятностей и случая, которые делают ее свободной деятельностью души; и подчиненной природы политического инструмента, благодаря которому она принадлежит исключительно разуму.

"Первая из этих трех фаз больше касается народа; вторая - генерала и его армии; третья - правительства. *Страсти, которые вспыхивают на войне, должно быть, уже скрыто существуют в народах.*

"Эти три тенденции глубоко укоренены в природе предмета. Теория, которая не принимала бы во внимание какой-либо из них, немедленно вступила бы в такое противоречие с реальностью, что одно это могло бы считаться ее немедленным разрушением".¹⁴

Клаузевиц - великий мыслитель, великий реалист, великий философ войны. Его целью было, без всяких предубеждений, докопаться до *истины о вещах*. Его взгляд на войну как на социальный акт, как на часть взаимодействия наций, так что случайных военных столкновений можно избежать не больше, чем случайных коммерческих столкновений, - это взгляд, который требует самого тщательного обдумывания каждым государственным деятелем. Она основана на существенных фундаментальных характеристиках человеческой природы, которые не меняются. Это не должно быть легко отброшено в сторону декламациями о благах мира, зле войны, бремени вооружений и тому подобной софистике. Подчиняться без борьбы несправедливости или уничтожению своих жизненных интересов не свойственно страстной человеческой натуре. И никогда не будет присуще мужественному народу. Действительно, следует искренне надеяться, что к *арбитражу* будут все чаще прибегать как к средству мирного урегулирования всех несущественных причин спора. Но арбитраж имеет свои пределы. Ибо *ни одна великая нация никогда не подаст в арбитраж какой-либо интерес, который она считает абсолютно жизненно важным*. Таким образом, взгляд на войну как на социальный акт, как на часть взаимодействия наций, со всеми вытекающими отсюда последствиями, представляется единственным, которого может придерживаться государственный деятель, как бы сильно он ни сожалел об этом факте. Поэтому он был выдвинут здесь сразу, поскольку лежит в основе всего предмета и важен для любого ясного размышления по нему.

Вот и все о влиянии общественного мнения на развязывание войны. Теперь о его влиянии во время войны.

"В ведении войны есть три основные цели", - говорит Клаузевиц.

"(a) Для завоевания и уничтожения вооруженных сил противника.

"(b) завладеть материальными элементами агрессии и другими источниками существования вражеской армии.

"(c) Для завоевания общественного мнения. 15

Чтобы достичь первой из этих целей, главная операция должна быть направлена против главной армии противника, поскольку она должна быть разбита, прежде чем мы сможем успешно выполнить две другие задачи.

"Чтобы захватить материальные силы, операции направляются против тех пунктов, в которых эти ресурсы в основном сосредоточены: главных городов, складов, больших крепостей. По дороге к ним будут встречены основные силы противника или значительная часть его армии.

"Общественное мнение в конечном счете завоевывается великими победами и овладением столицей противника". 16

Это почти пророческое (как это было в его время) признание Клаузевицем огромной важности завоевания общественного мнения *как одной из трех великих целей войны*, является фундаментальным. Это всего лишь один из тех примеров его редкого понимания принципов и развития современной национальной войны, которые делают его книгу такой великой и непреходящей ценностью для нас. Ибо с его времен Европа превратилась в великие индустриальные государства, демократия и народные страсти становились все более и более силой, с которой приходилось считаться, а завоевание и сохранение общественного мнения во время войны становилось все более и более важным. Фактически, это стало главным занятием государственного деятеля во время великой современной национальной войны. Для него стало необходимым внимательно изучать войну в ее связи с промышленностью и миллионами промышленников, которыми он руководит или может руководить.

Размышления

(1) Во времена Клаузевица мы, Британия, были нацией численностью 18 000 000 человек, практически самодостаточной и управляемой аристократией. Сегодня мы - перенаселенная нация численностью 43 000 000 человек, три четверти нашего продовольствия, нашего сырья, нашей торговли, нашей жизнестойкости зависят от морских источников, и нами правит демократия. В современном демократическом государстве вести самую справедливую и неизбежную войну будет возможно только до тех пор, пока трудности, приносимые демократией войной, не станут невыносимыми. Не допустить, чтобы эти трудности стали невыносимыми для народа, для общественного мнения, будет задачей современного государственного деятеля во время войны, и это может быть сделано только путем мудрого предвидения и своевременной подготовки. *Для ведения войны требуется внутренняя организация Индустриального государства.*

It appears to the *Автору* кажется, что внутреннюю организацию можно подразделить следующим образом:—

I. Достаточный золотой запас.

II. Защита наших судов, перевозящих сырье, продовольствие и экспортные товары, во время их перехода в открытом море от мест происхождения к потребителям: (А) с помощью нескольких имеющихся крейсеров, которые можно было бы выделить из состава воюющих флотов, при содействии тщательно продуманной и подготовленной схемы национального возмещения ущерба (см. Синюю книгу по этому вопросу); (Б) путем обеспечения распределения среди потребителей продовольствия и сырья после его прибытия в страну, путем подготовки тщательной организации, которая занималась бы блокированием любого из основных портов прибытия, и путем охраны уязвимых групп населения. точки наших внутренних линий связи с центрами доставки и обратно.

III. Организация системы законодательства о бедных для оказания немедленной помощи путем продажи продовольствия по мирным ценам тем, кто не в состоянии платить военные цены из-за (А) обычной бедности (от 7 000 000 до 8 000 000 душ), (Б) безработных из-за влияния войны на торговлю.

Работу и заработную плату государство *должно* гарантировать во время современной войны, и прежде чем государство *сможет* гарантировать это, абсолютно необходимо, чтобы оно убедилось, что вышеупомянутые приготовления действительно *осуществляются*. Это предполагает более серьезное изучение промышленных последствий великой национальной войны, чем то, которое до сих пор уделялось этому предмету нашими политическими лидерами. Ибо в войне настоящего и будущего важность завоевания и сохранения общественного мнения, как указывал Клаузевиц, трудно переоценить. *Защищать наше собственное общественное мнение так же принципиально важно, как атаковать, ослаблять и одерживать верх над мнением врага.* Это еще не прошло стадию обдумывания. Но хорошие мысли не лучше хороших снов, если их не воплотить в жизнь. Мы ждем, когда это сделает государственный деятель. В этом нет большой трудности.

(2) В возбуждении национального духа до необходимой высоты патриотического самоотречения и самопожертвования, в возвышении, сохранении и охране общественного мнения во время великой национальной борьбы можно многого ожидать от патриотизма нашей прессы. Только из справедливости к тем, чей патриотизм возникает сам по себе и спонтанно, он должен быть обязательным для ВСЕХ, чтобы ни один журнал не пострадал от потери тиража или материального ущерба из-за этого.

(3) Перед нашими государственными деятелями немедленно встанет практическая задача, если они всерьез возьмутся за улучшение *морали* нашей нации путем реформирования *учебной программы* нашего образования, исходя из ведущего принципа, что моральное к физическому равносильно трем к одному в жизни, и что поэтому формирование характера должно быть его главной целью. Тогда они многое сделают для того, чтобы укрепить нас перед войной, для осуществления идеи Клаузевица о завоевании и сохранении нашего общественного мнения на войне.

ГЛАВА VII

ПРИРОДА ВОЙНЫ

"Нам необходимо начать с рассмотрения природы целого, потому что особенно необходимо, чтобы при рассмотрении любой из частей постоянно иметь в виду целое. Мы не будем вдаваться ни в одно из заумных определений войны, используемых публицистами. Мы будем придерживаться элемента самой вещи, дуэли. Война - это не что иное, как дуэль в широком масштабе. Если бы мы хотели представить себе как единое целое бесчисленное количество поединков, составляющих войну, мы бы лучше всего сделали это, предположив двух борцов. Каждый стремится с помощью физической силы сбросить своего противника с ног и таким образом сделать его неспособным к дальнейшему сопротивлению.

"Насилие вооружается достижениями искусства и науки, чтобы бороться с насилием. Добровольные ограничения, почти незаметные и *едва ли заслуживающие упоминания*, называемые *обычаями международного права*, сопровождают его, не нанося существенного ущерба его силе.

Следовательно, насилие, то есть физическая сила, является *Средством*; принудительное подчинение врага нашей воле является конечной *целью*. Чтобы полностью достичь этой цели, враг должен быть сначала разоружен: и это, собственно говоря, реальная цель военных действий в теории". ¹⁷

Итак, "филантропы могут легко вообразить, что существует искусный метод разоружения и победы над противником без большого кровопролития, и что это является надлежащей тенденцией военного искусства. Каким бы правдоподобным это ни казалось, *все же это ошибка, которую необходимо искоренить*, ибо в таких опасных вещах, как война, *ошибки, проистекающие из духа доброжелательности, являются наихудшими*. Поскольку использование физической силы в максимальной степени ни в коем случае не исключает сотрудничества интеллекта, из этого следует, что *тот, кто применяет силу беспощадно, независимо от количества пролитой крови, ДОЛЖЕН получить превосходство, если его противник не будет действовать аналогично*". "Вводить в саму философию войны принцип умеренности было бы абсурдом". "Поэтому мы повторяем наше утверждение, что *война - это акт насилия, применение которого не знает границ*."

Политическая природа войны

Пытаясь кратко описать метод Клаузевица по взгляду на войну, постоянно сталкиваешься с трудностями выбора нескольких ведущих идей из стольких глубоких мыслей и содержательных пассажей. Однако выбор должен быть сделан.

Я ставлю на первое место его концепцию войны как части политики, потому что это принципиально необходимо для понимания его практического взгляда на вещи. Эта точка зрения столь же необходима как для стратега, так и для государственного деятеля, да и вообще для каждого человека, который хотел бы понять природу войны. Ибо иначе невозможно понять военное руководство многих кампаний и сражений, в которых политическое влияние перевешивало военное и приводило к действиям, непонятным почти с чисто военной точки зрения. История полна таких примеров.

Клаузевиц четко формулирует: *"Война - это всего лишь продолжение государственной политики другими средствами. Соблюдение этой точки зрения внесет гораздо больше единства в рассмотрение предмета, и вещи будут легче отделяться друг от друга"*.¹⁸ "Только так мы можем получить четкое представление о войне, поскольку политическая точка зрения - это *цель*, война - это *средство*, а средства всегда должны включать объект в наше представление". "Каждая нация или правительство стремится с помощью физической силы заставить другую подчиниться своей воле".¹⁹

Ввиду огромной важности этой точки зрения, столь мало понимаемой в нашей стране, я посвятил следующую главу только ей, чтобы более подробно изложить точку зрения Клаузевица. Поэтому мы можем пока перейти к делу.

Кульминационный момент Победы

Во-вторых, я выбираю его доктрину о кульминационном моменте победы, потому что это важно для понимания его разделения всех войн на два класса в зависимости от того, насколько далеко нападение, вероятно, сможет распространиться на территорию враждебной страны, прежде чем достигнет своей кульминационной точки, где может начаться реакция.²⁰

"Победитель на войне не всегда в состоянии полностью подчинить своего противника. Часто, фактически почти *повсеместно, наступает кульминационный момент победы*. Опыт показывает это в достаточной степени".²¹ По мере продвижения атаки или вторжения оно становится слабее даже из-за своих успехов, из-за осад или корпусов, оставленных для наблюдения за укрепленными местами, из-за войск, необходимых для охраны завоеванной территории, и удлиняющейся линии коммуникаций, из-за того факта, что мы все дальше удаляемся от наших ресурсов, в то время как враг отступает и приближается к нему, из-за опасности присоединения других государств, чтобы предотвратить полное уничтожение побежденной нации, из-за того, что вся нация в отчаянном положении пытается спастись народной войной, из-за того, что мы оказываемся в опасности. ослабление усилий в самой победоносной армии и т.д., и т.п. Леобен, Фридланд, Аустерлиц, Москва являются примерами такой кульминации, и, вероятно, в конце русско-японской войны Харбин тоже оказался бы таким, если бы не вмешался мир.

Клаузевиц продолжает: "Необходимо знать, как далеко оно (наше превосходство) зайдет, чтобы не выйти за пределы этой точки и вместо нового преимущества пожинать плоды катастрофы". Он определяет это как *"Точку, в которой наступление переходит в оборону"*, и говорит: "перейти эту точку - это больше, чем просто бесполезная трата сил, не дающая дальнейших результатов, это *разрушительный* шаг, который вызывает реакцию, а реакция, согласно всему опыту, приводит к самым непропорциональным последствиям".²² Читателю будет интересно найти эту кульминационную точку победы в исторических кампаниях и отметить результат там, где он был преодолен, а где нет.

Два класса войн

Из этого рассмотрения кульминационного момента победы вытекают два класса, на которые Клаузевиц делит все войны.

"Два вида войн - это, во-первых, те, в которых целью является полное *свержение врага*, будь то то, что мы стремимся к его политическому уничтожению или просто к его разоружению и принуждению к заключению мира на наших условиях; и, *затем*, те, в которых нашей целью является просто совершить некоторые завоевания на границах его страны, либо с целью удержать их надолго, либо использовать их в качестве предмета обмена при заключении мира".²³

Следовательно, все войны - это войны за полное уничтожение противника, то есть "неограниченного объекта", или войны с "ограниченным объектом". В плане войны необходимо решить, какой она должна быть в соответствии с нашими силами и ресурсами нападения по сравнению с ресурсами обороны противника, и где, вероятно, будет наша кульминационная точка победы, по эту сторону столицы противника или за ее пределами. Если первое — тогда план должен быть с "ограниченным объектом", таким как Крым, Маньчжурия и т.д.; если второе — тогда план должен быть направлен на полное уничтожение противника, как это было в большинстве кампаний Наполеона или союзников в 1813, 1814, 1815 годах, или как в 1866, или как в 1870 году. Как говорит Клаузевиц: *"Итак, первый, самый грандиозный и решающий акт суждения, который совершает государственный деятель и генерал, заключается в правильном понимании в этом отношении войны, в которую он ввязывается, а не в том, чтобы принимать ее за что-то или желать сделать из нее что-то такое, чем она по природе своих отношений быть не может. Таким образом, это первый и наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов."*²⁴

В двух планах Клаузевица относительно войны с Францией в 1831 году,²⁵ это различие очевидно. В первом плане он рассматривал Пруссию, Австрию, Германский союз и Великобританию, объединенных как союзников против Франции, - и с этим огромным численным превосходством он планирует атаку двумя армиями, каждая численностью по 300 000 человек, одна из которых двинется на Париж из Бельгии, другая - на Орлеан с Верхнего Рейна. Во втором плане политические условия тем временем изменились; Австрия и Великобритания были под вопросом, и Клаузевиц соответственно сомневался, смогут ли одни только Пруссия и Германский союз предстать перед Парижем с достаточными силами, чтобы гарантировать победу в решающем сражении, и с которыми было бы допустимо выходить даже за пределы Парижа. Поэтому он предложил ограничить цель завоеванием Бельгии и энергично атаковать французов в тот момент, когда они войдут в эту страну.

Такое строгое ограничение цели доступными для ее достижения средствами характерно для практического взгляда Клаузевица на вещи. В каждом плане, однако, должно было быть принято энергичное наступление, нацеленное на решающую победу.

Подготовка к войне

Третье место по своей сегодняшней важности я отвожу четкому утверждению Клаузевица о том, что -

"Если мы ясно поняли результат наших размышлений, то действия, относящиеся к войне, делятся на два основных класса: на те, которые являются лишь *подготовкой к войне*, и на *самую войну*. Это различие также должно быть сделано теоретически".

Невозможно было бы сформулировать это более четко или придать большее значение мирным приготовлениям. Подобно его доктрине о важности завоевания общественного мнения на войне, это одно из тех почти пророческих высказываний, которые делают Клаузевица зародышем современной военной эволюции.

Клаузевиц, в отличие от Жомини, который этого не сделал, в определенной степени предвидел (вероятно, из-за своей занятости в организации новой прусской армии срочной службы после 1806 года) вооруженную нацию наших дней. И, начиная с его времени, чем больше сил должно быть подготовлено, тем больше становится значение подготовки к войне. Она постоянно росла, пока сегодня не приобрела такое подавляющее значение, что можно почти сказать, что современная война практически (или почти так) решается *до того, как* разразится война, в соответствии с тем, какая нация провела наибольшие и наиболее тщательные приготовления к миру.

Клаузевиц в другом месте говорит о "всех мыслимых приготовлениях". В наши дни мы можем зайти так далеко, что скажем, что подготовка - это война, и что та нация, которая терпит поражение в ходе подготовки, уже потерпела поражение ДО начала войны.

Непонимание этого факта является фундаментальной ошибкой, лежащей в основе представления о войне, которого придерживаются гражданские лица, поскольку многие из них думают, что речи заменяют подготовку.

Очевидно, что эти три идеи Клаузевица относительно природы войны, ее политической природы, различия между войнами с неограниченной и ограниченной целью и приготовлениями в мирное время имеют такое же значение для государственного деятеля, как и для солдата, и требуют изучения и осмысления как со стороны первого, так и со стороны второго.

Трения на войне

Я помещаю здесь противоречие перед более подробным рассмотрением реальной войны, войны как таковой, потому что это то, что отличает войну на бумаге от реальной войны, роль государственного деятеля и солдата от роли только солдата, и поэтому ее следует рассматривать на полпути между ними.

Трения на войне - одна из наиболее характерных идей Клаузевица. Он всегда смотрит на все с этой точки зрения, и поскольку трения и туман войны, а также их влияние на природу человека всегда будут главной характеристикой реальной войны в отличие от войны теоретической или войны на бумаге, именно эта привычка или образ мышления придает его произведениям такую большую и неизменную ценность. Это также привычка, которую мы должны усердно культивировать в себе.

"На войне все очень просто, но самое простое оказывается трудным", -26 гласит его знаменитое изречение. Почему самая простая вещь трудна? Из-за трений, связанных с войной. И как можно свести эти трения к минимуму? Только силой характера и такими воинскими добродетелями, как дисциплина, упорство, решительность, энергия и смелость. Отсюда большое внимание, которое он всегда и везде уделяет характеру и этим военным добродетелям как решающим факторам на войне.

"Трение - это единственная концепция, которая в общих чертах соответствует тому, что отличает настоящую войну от войны на бумаге", - говорит он. Каждый военнослужащий "поддерживает свои собственные трения во всех направлениях". "Опасность, которую несет с собой война, физические нагрузки, которых она требует, настолько усиливают это зло, что их можно рассматривать как величайшие его причины".²⁷ "Это огромное трение повсюду соприкасается с случайностью, и таким образом происходят факты, которые невозможно было просчитать, их главным источником является случай. В качестве примера одной из таких случайностей возьмем погоду. Здесь туман не позволяет вовремя обнаружить противника, батарея не может открыть огонь или донесение не доходит до генерала. Дождь (грязь) не позволяет батальону прибыть на место, или кавалерия не может эффективно атаковать, потому что она прочно увязла в тяжелом грунте ". И так далее. Возьмем, к примеру, туманное утро в Йене или Аустерлице, в Эйлау, в Кацбахе, Гросберене, Денневице, Пултуске, Дрездене, Садове; или грязь Польши, снег России или, самое позднее, грязь Маньчжурии.

"Активность на войне - это движение в среде сопротивления." "Знание трения - главная часть того, о чем так часто говорят, опыта на войне, который необходим хорошему генералу". "Следовательно, именно это трение делает то, что кажется легким на войне, таким трудным на самом деле".²⁸ Поэтому, рассматривая любую ситуацию на войне, мы всегда должны добавлять к известным обстоятельствам — трение.

Сама война

Во взгляде Клаузевица на саму войну я сразу же ставлю на первое место его доктрину: "Уничтожение военной силы противника является ведущим принципом войны, а для всей главы "Позитивные действия" - прямым путем к цели".²⁹ Это изречение, повторяющееся во многих различных формах, лежит в основе всей его концепции войны. Все старые теоретические идеи об угрозе маневрированием, завоевании маневрированием, принуждении противника к отступлению маневрированием и так далее, в которых его предшественники запутывались в стратегии и от которых даже эрцгерцог Карл и Жомини не полностью освободились, он отменяет словами: "Мы утверждаем, что ТОЛЬКО великие тактические результаты могут привести к великим стратегическим результатам".³⁰ Таким образом, он направляет и концентрирует наши мысли в стратегии на центральной идее победы в бою и раз навсегда освобождает нас от затемняющей завесы линий и углов. и геометрические формы, с помощью которых другие авторы скрыли эту истину. "Филантропы могут легко вообразить, что существует искусный метод преодоления и разоружения противника без большого кровопролития, и что это является надлежащей тенденцией военного искусства. Каким бы правдоподобным это ни казалось, это ошибка, которую необходимо искоренить, ибо в таких опасных вещах, как война, ошибки, проистекающие из духа доброжелательности, являются наихудшими".³¹ Ибо "тот, кто применяет силу безжалостно, независимо от количества пролитой крови, должен добиться превосходства, если его противник не будет действовать так же". И "худшей из всех ошибок на войнах" по-прежнему остается идея войны, которой слишком часто придерживаются гражданские лица в этой стране, о чем свидетельствуют крики, которыми встречались все потери во время войны в Южной Африке, что показывает, насколько Клаузевиц необходим в качестве тонизирующего средства, чтобы заставить их осознать реальность.

"Война - это акт насилия, применение которого не знает границ". "Давайте не будем слышать о генералах, которые побеждают без кровопролития; если кровавая бойня - ужасное зрелище, то

это основание для того, чтобы проявлять больше уважения к войне (избегать ненужной войны), но не для того, чтобы из чувства гуманности делать меч, который мы носим, все более и более тупым, пока кто-нибудь не вмешается с острым мечом и не отрубит нам руку".

Простые планы

Второе место я отвождю его доктрине о *простейших планах*, потому что для завершения сложных эволюций требуется время, но "смелый, отважный, решительный враг не даст нам *времени* на широкомасштабную искусную комбинацию".³² "Нам кажется, что преимущество простых и прямых результатов перед сложными убедительно показано".

"Мы не должны поднимать руку слишком высоко, чтобы не оставалось места для удара", иначе противник нанесет удар первым.

"Всякий раз, когда это происходит, мы сами должны выбирать более короткий вариант".

"Следовательно, мы далеки от того, чтобы ставить своей целью одержать верх над врагом с помощью сложных планов, *мы всегда должны стремиться опередить его самым простым и кратчайшим способом*".

Стратегические направления

Выступающие и вновь появляющиеся границы, тонкие различия между многочисленными видами стратегических линий, операционными линиями и линиями маневров и т.д., и т.д., и т.п., которые у Жомини и его предшественников и последователей играют такую большую, такую педантичную и сбивающую с толку роль, — к ним Клаузевиц испытывает мало уважения. В своей главе "Геометрический элемент", ³³ он говорит: "Поэтому мы без колебаний рассматриваем как установленную истину то, что *в стратегии больше зависит от количества и размаха победоносных сражений, чем от формы широких линий, которыми они соединены*".³⁴ Конечно, он не совсем игнорирует такие соображения, но приведенное выше предложение показывает, что он считает их второстепенными. Таким образом, он освобождает нас от большого педантизма и возвращает к сути вещей.

Трение

с этим уже разобрались, так что больше говорить здесь не нужно, кроме как о его составляющих.

Опасность

"Обычный персонаж никогда не достигает полного хладнокровия" в опасности. "Опасность на войне заключается в ее трении, и правильное представление о ней необходимо для истинного восприятия, и поэтому здесь на это обращено внимание".³⁵

Физическая нагрузка

Клаузевиц говорит, что физическое напряжение и усталость на войне "сковывают деятельность ума и втайне истощают силы души". "Как и опасность, они относятся к фундаментальным причинам трения".³⁶

Для того, кто, подобно Клаузевицу, был свидетелем отступления из Москвы, ужасного перехода Березины и битвы народов под Лейпцигом, нельзя было не заметить физического напряжения. Разве он не видел, как физическое напряжение и лишения превратили Великую армию в небольшую орду отставших и почти в равной степени уничтожили армию Кутузова в 1812 году, а также практически подорвали дух и в значительной степени разбили великую армию Наполеона в 1813 году?

Что касается воздействия физических нагрузок на разум, целеустремленность и решимость генерала, сравните Беннингсена при Эйлау после тридцати шести часов в седле или Наполеона при Дрездене, из-за которого он потерял все результаты своей победы.

Информация на войне

"Основа всех наших идей и действий", но "в двух словах, большинство сообщений ложны". "Когда в самой гуще войны одно сообщение следует по пятам за другим, хорошо, если эти сообщения, противореча друг другу, демонстрируют определенный баланс вероятностей". В другом отрывке, чтобы проиллюстрировать эту постоянную неопределенность, в условиях которой приходится принимать все решения на войне, он сравнивает двух противостоящих командиров с двумя людьми, сражающимися в темной комнате и неуверенно ищущими друг друга.

"Эти вещи, которые как элементы встречаются вместе в атмосфере войны и делают ее *устойчивой средой для любой деятельности*, мы обозначили как опасность, физическое напряжение, информацию и трения".³⁷ Он никогда не упускает это из виду; это пронизывает все, что он пишет.

Моральный и Физический

"И поэтому большинство тем, которые мы рассмотрим в этой книге, состоят *наполовину из физических, наполовину из моральных причин и следствий*, и мы могли бы сказать, что физические - это почти не более чем деревянная рукоятка, в то время как моральные - благородный металл, настоящее блестяще отполированное оружие".³⁸ Страниц можно было бы заполнить выдержками, демонстрирующими его мнение о том, что мораль на войне - это все, но читатель уже убежден в этом. Сравните слова Наполеона "На войне": "Моральное соотношение к физическому равно трем к одному". Клаузевиц рассматривает все военные вопросы с этой точки зрения. Его психологический настрой - это то, что в основном отличает Клаузевица от всех писателей, которые были до него, и что делает его выводы такими реалистичными, такими интересными и такими ценными для всех, кто придет после него.

Напряжение и покой на войне

Чтобы не утомлять читателя, я завершу эту главу одним или двумя отрывками, касающимися "напряжения и отдыха; приостановки боевых действий". Этим объясняются те частые привалы, которые имеют место в ходе кампании и которые на первый взгляд кажутся противоречащими абсолютной теории войны. Эти остановки происходят по многим причинам, таким как подготовка, истощение, неопределенность, нерешительность, трения, ожидание подкрепления и т.д.

В этой связи следует помнить, что война - это "цепь связанных друг с другом сражений, одно из которых всегда влечет за собой другое". Но они редко следуют друг за другом немедленно; обычно между ними возникает определенная пауза. Как только выиграна одна битва, стратегия создает новые комбинации в соответствии с изменившимися обстоятельствами, чтобы выиграть следующую. Пока эти новые комбинации разрабатываются или, возможно, рассматриваются, может произойти большая или меньшая приостановка действия, более длительная или более короткая остановка в движении вперед. Затем еще один прыжок вперед. Клаузевиц может сказать очень много интересного по этому поводу.³⁹

"Если на войне действие приостановлено, то есть ни одна из сторон на данный момент не желает ничего позитивного, наступает *покой* на данный момент равновесие.... Как только одна из сторон предлагает себе новую позитивную цель и начинает активные шаги к ней, даже если это всего лишь приготовления, и как только враг выступает против этого, возникает *напряжение* сил; это длится до тех пор, пока не будет принято решение.... За этим решением, основа которого всегда лежит в боевых комбинациях, проводимых каждой стороной, ... следует движение в том или ином направлении".

"Может случиться так, что обе стороны в одно и то же время не только почувствуют себя слишком слабыми для нападения, но и являются таковыми на самом деле".

"Какой бы дикой ни была природа войны, она по-прежнему носит на себе отпечаток человеческой слабости, и противоречие, которое мы здесь видим, то, что человек ищет и создает опасности, которых он в то же время боится, никого не удивит".

"Если мы бросим взгляд на военную историю в целом, то обнаружим там столько противоположного непрерывному продвижению к цели, что *стоять на месте и ничего не делать - совершенно очевидно, что нормальное состояние армии в разгар войны, действующей в качестве исключения*." Это должно почти вызывать сомнение в правильности нашей концепции. Но если военная история производит такой эффект благодаря большому количеству своих событий, то и последняя серия войн меняет эту точку зрения. Война Французской революции слишком ясно показывает ее реальность и слишком ясно доказывает ее необходимость. В этой войне, и особенно в кампаниях Бонапарта, ведение войны достигло той неограниченной степени энергии, которую мы представили как естественный закон стихии. Следовательно, эта степень возможна, и если она возможна, то она необходима".

Размышления

(1) "Вряд ли стоит упоминать"! Вот как Клаузевиц относится к международному праву, Клаузевиц, которому в Германии "наши самые знаменитые победители на более современных полях сражений обязаны своим духовным воспитанием" и на котором "каждый, кто сегодня ведет современную войну или учит ее, основывается на себе, даже если он этого не осознает". И мы должны рассматривать почти каждого иностранного государственного деятеля как, сознательно или бессознательно, ученика Клаузевица. Поэтому нам давно пора перестать полагаться на Международное право или думать, что оно может каким-либо образом защитить нас, если мы решительно пренебрегаем защитой самих себя. Сила и целесообразность - единственные правила, которые признают практичные политики зарубежных стран, и единственный вопрос, который они задают себе, таков: "Достаточно ли у нас власти, чтобы сделать это", и если да, то "Целесообразно ли это делать?"

(2) Кроме того, на какие международные договоры мы можем полагаться в течение какого-либо периода времени? Вообще никаких. Ибо международные договоры считаются обязательными только до тех пор, пока интересы *обеих* договаривающихся сторон остаются неизменными. Как только обстоятельства меняются, а они меняются постоянно, самые торжественные договоры разрываются, как Россия разорвала Парижский мирный договор или как Австрия разорвала Берлинский мирный договор. Вся история полна разорванных договоров. И как было, так и будет. Европейская корзина для мусора - это место, куда в конечном итоге попадают все договоры, и вещь, которую в любой день можно выбросить в корзину для мусора, действительно, плохая вещь, на которую можно повесить нашу национальную безопасность. Мы можем доверять только самим себе. Поэтому нельзя допустить, чтобы какие-либо существующие в настоящее время договоры каким-либо образом изменили или ослабили наши приготовления, позволяющие нам сражаться *в одиночку*, когда это необходимо.

(3) Нельзя слишком часто повторять или слишком настаивать на том, что успех или провал государственной политики зависит от количества вооруженных сил, стоящих за ней. Ибо от количества вооруженных сил, стоящих за той или иной политикой, зависит большее или меньшее сопротивление, трения, которые эта политика встретит со стороны других наций. Престиж нации зависит от общей веры в ее силу. Чем меньше его престиж, тем больше он будет сдерживаться и срываться своими соперниками, пока, наконец, возможно, его не втянут в войну, которая была бы предотвращена, если бы его престиж или вооруженная сила были больше. С другой стороны, чем выше его престиж, его вооруженная сила, тем более разумными и склонными к справедливому компромиссу оказываются его соперники. Так что чем выше престиж, вооруженная сила нашей нации, тем больше вероятность того, что все наши переговоры будут завершены мирным компромиссом, и тем дольше мы будем наслаждаться миром.

Следовательно, исходя из этого, те, кто стремится сократить наши национальные силы, глубоко ошибаются, поскольку такие действия поставили бы под угрозу наш престиж, подорвали бы наши переговоры, подорвали бы наш мир и, возможно, в конечном итоге привели бы к войне, которой мы могли бы избежать в противном случае. Поэтому у нас нет такой глубоко ошибочной экономики. Сэкономленные несколько сотен тысяч фунтов были бы действительно дорогостоящей экономией, если бы это привело, как и могло бы привести, к выплате в течение многих лет Военной контрибуции в размере 800 000 000 фунтов стерлингов или около того. Лучше то зло, которое мы знаем, чем гораздо большее зло, о котором мы не знаем.

(4) Внезапность на войне - это то, чего мы должны опасаться. Есть два вида национальной внезапности, которые мы должны учитывать. Это (А) *внезапность в результате реальных боевых действий*, происходящих до фактического объявления войны, таких как внезапное нападение японцев и практическое уничтожение боевых сил русского флота в Порт-Артуре; (Б) *внезапность в результате превосходной подготовки*, тихо проводимая до тех пор, пока все не будет готово к решающему удару, пока мы не будем готовы к столь же эффективной обороне, а затем объявление войны до того, как у нас будет время должным образом подготовиться, как, например, неожиданность в этом смысле для Франции со стороны Германии в 1870 году.

(А) Каждый успешный пример всегда копируется, и обычно в большем масштабе. Мы можем быть совершенно уверены, что наши соперники приняли близко к сердцу урок Порт-Артура. Вполне возможно, что наша следующая война начнется с аналогичного ночного нападения на

наш флот, либо непосредственно перед объявлением войны, либо одновременно с ним. Если она окажется успешной или даже частично успешной, то может привести к самым серьезным результатам, как в русско-японской войне. Это *может* сделать возможным морское сражение почти с равными силами, в котором наши противники *могли* одержать победу. Тогда наверняка последовало бы вторжение в эту страну в гигантских масштабах силами 300 000 человек или более. Это не вероятность, а возможность, которую необходимо иметь в виду.

(В) *внезапность благодаря превосходной подготовке*, как я называю это, за неимением лучшего названия, является опасностью, которой мы особенно подвержены. Как сказал лорд Солсбери, "Британская конституция - плохая боевая машина", и она становится бесконечно худшей боевой машиной из-за отсутствия интереса, который наши политики, по-видимому, проявляют ко всему, что связано с войной. Следовательно, они всегда склонны выступать против чрезмерных приготовлений, которые на самом деле являются минимумом, соответствующим национальной безопасности. Следовательно, наши приготовления к войне, контролируемые теми, кто не имеет специальных знаний о войне, всегда могут быть недостаточными, как это было во Франции в 1870 году. В прежние дни это, возможно, не имело такого большого значения, хотя и привело к ненужной потере сотен тысяч британских жизней и сотен миллионов британских сокровищ. Но все же мы смогли, хотя и несколько чрезмерной ценой, "выкарабкаться" благодаря героическим усилиям наших солдат и матросов по изготовлению кирпичей без соломы и исправлению ошибок нашей политики. Ибо наши противники тогда вели войну настолько медленно, чтобы дать нам время исправить *после* начала войны нашу недостаточную подготовку *перед* ней. Но в отличие от современной вооруженной нации, руководимой государственными деятелями и возглавляемой генералами, воспитанными в школе Наполеона, Клаузевица и Мольтке, все будет по-другому. В такой войне задействованные национальные силы настолько огромны, что добиться такой эффективности возможно только в том случае, если все было самым тщательным образом подготовлено и организовано заранее. *Невозможно* импровизировать с такой организацией национальных вооруженных сил *после* начала войны, поскольку не может быть достаточно времени. Если наш противник проведет надлежащую подготовку перед войной, чтобы задействовать в этой войне *всю* свою национальную мощь, материальную, моральную и физическую, в то время как мы будем готовиться задействовать только *небольшую ее часть*, то впоследствии у нас не будет времени исправить свою халатность. Война будет вестись с максимальной энергией, и целью будет максимальное использование превосходства, полученного в результате превосходной подготовки, с тем чтобы принять решение как можно быстрее, прежде чем у нас будет время оправиться от последствий нашей внезапности. Это опасность, которой мы должны бояться и о которой всегда должны помнить.

ГЛАВА VIII

ВОЙНА КАК ПОЛИТИКА

"Война, - говорит Клаузевиц, - это всего лишь продолжение государственной политики другими средствами". Первый вопрос, который сразу возникает в голове, - это что подразумевается под Политикой. Мы можем с уверенностью утверждать, что государственная политика - это защита и

продвижение интересов нации в целом среди игры противоречивых тенденций к отдыху и приобретению, и что ее инструментами являются перо и меч. Конечно, в политике государства может быть любая степень последовательности или непостоянства, силы или слабости, успеха или неудачи.

Клаузевиц прямо заявил, что надеется "разгладить многие складки в головах стратегов и государственных деятелей", такие, например, как идея о том, что можно рассматривать политику или войну независимо друг от друга.

Получить правильную концепцию политики возможно только в том случае, если мы рассматриваем ее как непрерывную как в мирное, так и в военное время, используя иногда мирные переговоры, иногда военные переговоры, в зависимости от обстоятельств, для достижения политической цели.

Война - это всего лишь часть политики, продолжение предыдущих переговоров; но инструментом теперь является меч, а не перо. Как сказал Клаузевиц, *"Одним словом, военное искусство, с его высшей точки зрения, - это политика; но, без сомнения, политика, которая ведет сражения, а не пишет заметки"*. Война - это всего лишь средство, с помощью которого нация пытается навязать свою волю другой нации для достижения политической цели. Эта цель определяется политикой, которая также отдает приказ о начале войны, определяет, какого рода война должна быть, какими средствами, ресурсами и затратами она должна вестись, когда ее цель будет достигнута и когда она должна прекратиться. Фактически, политика подготавливает, ведет к войне, отдает приказы, поддерживает, направляет и останавливает ее. Как сказал Клаузевиц, *"Все основные направления войны всегда определяются Кабинетом министров, то есть политическим, а не военным функционером."*

Единства мысли можно достичь только при "представлении о том, что война - это лишь часть политических отношений, следовательно, ни в коем случае не самостоятельная вещь сама по себе". "И как мы можем представить себе это иначе? Прекращает ли действие дипломатических нот политические отношения между различными нациями и правительствами? Разве война - это не просто еще один вид письма и языка для выражения политических мыслей?"

"Соответственно, война никогда не может быть отделена от политических отношений; и если, при рассмотрении вопроса, это каким-либо образом делается, все нити различных отношений в определенной степени разрываются, и мы имеем перед собой бессмысленную вещь без цели".

"Если война относится к политике, она, естественно, унаследует свой характер от политики. Если политика грандиозна и могущественна, такой же будет и война, и это может быть доведено до того, что война достигнет своей абсолютной формы". "Только с помощью такого взгляда война восстанавливает единство; только с его помощью мы можем увидеть *все войны одного вида*, и только с его помощью суждение может получить истинную и совершенную основу и точку зрения, с которой *могут быть разработаны великие планы*".

"В целом в жизни нет ничего важнее, чем найти *правильную точку зрения*, с которой на вещи следует смотреть и судить о них, а затем придерживаться этой точки зрения; ибо мы можем воспринять массу событий в их единстве только с *одной* точки зрения; и только соблюдение одной точки зрения предохраняет нас от непоследовательности". "Мы можем рассматривать политику здесь только как представителя интересов всего сообщества в целом", и *"войны на самом деле являются лишь выражениями или манифестациями самой политики"*.

Для изучающего историю это единство концепции в равной степени необходимо, поскольку оно дает ключ ко многим военным головоломкам. Без этого мы никогда не сможем понять, например, поведение Наполеона в 1812, 1813, 1814 годах; также без этого мы не сможем увидеть убедительную причину многих сражений, которые, по-видимому, велись вопреки мнению военных, таких, например, как Бородино, Лейпциг, Седан и т.д. Мы должны помнить, что эти и многие другие сражения, как, например, при Ледисмите, велись по политическим, а не военным мотивам. Хорошо известный факт, что стратегу часто приходится изменять и адаптировать свои планы таким образом, чтобы они соответствовали непреодолимой политической необходимости. И все же многим людям не удалось извлечь из этого обобщение Клаузевица о том, что "война - это всего лишь продолжение государственной политики другими средствами". Но, получив это сейчас, давайте крепко держаться за это со всеми вытекающими последствиями.

Некоторые знания о войне необходимы государственным деятелям

"С этой точки зрения в природе вещей больше не существует необходимого конфликта между политическими и военными интересами, и поэтому там, где он возникает, его следует рассматривать только как *несовершенное знание*. Такая политика предъявляет к войне требования, на которые она не может ответить, противоречило бы предположению, что *она знает инструмент, который собирается использовать*, следовательно, противоречит естественному и необходимому предположению".

"Ни один из основных планов, необходимых для ведения войны, не может быть составлен без понимания политических отношений; и в действительности, когда люди говорят, как они часто делают, о пагубном влиянии политики на ведение войны, они на самом деле говорят нечто совсем иное, чем то, что они намереваются. Придираться следует не к этому влиянию, а к самой политике. Если политика правильная, если ей удастся поразить цель, тогда она может действовать на войне только с преимуществом; и если это влияние политики вызывает отклонение от цели, причину следует искать в ошибочной политике.

"Только когда политика обещает себе неправильный эффект от определенных военных средств и мер, эффект, противоречащий их природе, она может оказывать пагубное воздействие на войну предписываемым ею курсом. Точно так же, как человек на языке, которым он не владеет, иногда говорит то, чего не намеревался, *так и политика, преследующая правильные цели, часто может предписывать вещи, которые не соответствуют ее собственным взглядам.*

"Это происходило бесконечно часто, и это показывает, что определенное знание природы войны необходимо для управления политическими отношениями."

Военный министр

"Прежде чем идти дальше, мы должны остерегаться от ложной интерпретации, которой это очень подвержено. Мы не хотим сказать, что это знакомство с природой войны является *главным* качеством военного министра. Возвышенность, превосходство ума, сила характера - вот основные качества, которыми он должен обладать; знание войны может быть получено тем или иным способом".

Политика и средства осуществления этой Политики должны быть согласованы

*"Если война должна полностью соответствовать политическим взглядам, а политика - соответствовать средствам, доступным для ведения войны, есть только одна альтернатива, которую можно рекомендовать, когда государственный деятель и солдат не сочетаются в одном лице (обратите внимание, как Вильгельм Оранский, Фридрих Великий или Наполеон), которая заключается в том, чтобы сделать верховного главнокомандующего *должности* членом кабинета, чтобы он мог принимать участие в его советах и решениях в важных случаях".*

"Влияние любого военного, за исключением главнокомандующего в Кабинете министров, чрезвычайно опасно; оно очень редко приводит к умелым, энергичным действиям".

Размышления

Мы завершим эту главу несколькими размышлениями о предыдущем изречении Клаузевица, с которыми, как мы надеемся, согласится читатель.

Таким образом, во-первых, совершенно очевидно, что война подчинена политике, является инструментом политики, является частью политики точно так же, как дипломатические переговоры являются частью политики.

Во-вторых, государственный деятель, каким бы хорошим в мирном управлении он ни был, несведущий в войне, следовательно, несведущ в одной части своей профессии; в той части, которая связана с подготовкой, упорядочиванием, руководством войной и контролем над ней. Как говорит Клаузевиц, *"это обязательное предположение, что политика знает инструмент, который она собирается использовать"*. Ошибочно полагать, что, когда дипломатические отношения между двумя государствами прекращаются и начинается война, политические переговоры прекращаются, поскольку они этого не делают, а просто продолжают в другой форме — в форме войны. Государственный деятель по-прежнему сохраняет контроль и использует военные события по мере их возникновения для достижения своей цели. Он по-прежнему несет ответственность за успех как воинственной, так и мирной политики нации.

В-третьих, спорным является вопрос о том, насколько теоретически допустимо влияние политики в ходе реальных операций, то есть после фактического начала войны. Мнение Мольтке состояло в том, что политика должна действовать только в начале и в конце войны и должна оставаться ясной во время самих операций. Клаузевиц, однако, считает, что эти два фактора настолько тесно связаны, что политическое влияние нельзя упускать из виду даже во время реальных операций. Находясь между двумя такими авторитетами, мы вполне можем колебаться, стоит ли высказывать определенное мнение, и должны искать срединный путь. Несомненно, в истории политика часто действительно влияла на реальные операции, как в 1812, 1813, 1814, 1864 годах, поход Мак-Магона на Седан, или вмешательство Бисмарка с целью ускорить осаду Парижа в 1870 году, или Ледисмит в англо-бурской войне, и во многих других случаях. Это мы должны признать. Мы также должны признать, что его вмешательство часто оказывает ослабляющее воздействие на операции. Клаузевиц говорит, что это происходит только тогда, когда сама политика неверна. Возможно. Но самым безопасным правилом промежуточного пути, по-видимому, является то, что политика должна доминировать в начале и конце войны, но во время реальных операций государственный деятель должен проявлять максимально

возможную сдержанность и избегать любого вмешательства, за исключением случаев, когда этого требует *непреодолимая политическая необходимость*.

В-четвертых, политик обязан изучать войну. Он обязан изучать войну так же, как и дипломатию, два своих инструмента. Если он будет учиться пользоваться только одним из двух своих инструментов, он действительно будет плохим государственным деятелем. Очевидно, что он **ДОЛЖЕН** изучать войну, чтобы не пытаться использовать инструмент, о котором он ничего не знает. Разумеется, это не означает, что политик должен изучать все детали военно-морских и военных вопросов, но только то, что он должен изучать общие принципы ведения войны, а также средства, ресурсы и силы, необходимые для достижения политической цели войны путем подчинения противника.

В-пятых, для согласования цели и средств политики необходимо, чтобы тот, кому вверены национальные интересы, изучал принципы войны, чтобы *он мог проводить свою политику пропорционально средствам ее проведения*. Иными словами, он не должен предлагать или обязывать нацию проводить политику, которая, вероятно, встретит решительное противодействие со стороны другой державы, если только он в результате тщательного изучения и расследования не убедится, что в его распоряжении имеется достаточная вооруженная сила на случай, если противоборствующая нация внезапно бросит вызов его политике и объявит войну. Он не должен даже рассматривать политику, *нев то же время* обсудив со своими военными и военно-морскими советниками национальные средства обеспечения проведения этой политики, если ему будет предложено это сделать. Он не должен думать о начале войны или о том, чтобы спровоцировать другую нацию на это, пока он не обеспечит достаточную вооруженную силу, чтобы обеспечить разумную перспективу, если не уверенность, успеха. В противном случае,

В-шестых, поскольку наше следующее сражение будет с вооруженной нацией, поскольку война по своему характеру будет абсолютной, поскольку ее целью будет низвержение врага, поскольку будет считаться возможным остановиться только до тех пор, пока враг (будь то Великобритания или нет) не окажется бессильным на земле, поскольку нам придется бороться с предельными средствами, предельной энергией, предельными усилиями всего вооруженного народа, - эти моменты заслуживают самого серьезного рассмотрения каждым политиком, который стремится направлять судьбы англосаксонского народа. Гонка.

ГЛАВА IX СТРАТЕГИЯ

Клаузевиц определяет стратегию как *"использование сражения для достижения цели войны"*. Война - это "цепь взаимосвязанных сражений, одно из которых всегда влечет за собой другое".⁴⁰ Главное в стратегии - выигрывать эти сражения одно за другим, пока враг не покорится. *"Лучшая стратегия - всегда быть очень сильной, во-первых, в целом; во-вторых, в решающий момент."*⁴¹

"В таком аспекте мы допускаем, что численное превосходство является наиболее важным фактором в результате сражения, только оно должно быть достаточно большим, чтобы стать противовесом всем другим сопутствующим обстоятельствам. Прямым результатом всего этого является то, что в решающий момент в бой должно быть введено *максимально возможное количество войск*.⁴² Независимо от того, достаточны ли подтянутые таким образом войска или нет, мы сделали в этом отношении все, что позволяли наши средства. Это *первый великий принцип стратегии*, который так же хорошо подходит грекам или персам, англичанам или махраттам, как французам или немцам".

Это звучит так просто, и все же сколько раз этого не делалось. Сколько генералов погибло в результате!

Численное превосходство

Что требуется для стратегической определенности

Клаузевиц говорит: "Факт остается фактом: мы можем тщетно искать в современной военной истории хоть одно сражение (за исключением Лейтенского или Росбаха), в котором одна армия разгромила другую, вдвое превосходящую ее по численности, что в прежние времена было отнюдь не редкостью. Бонапарт, величайший полководец современности, во всех своих великих победоносных сражениях, за одним исключением, Дрезденской битвы 1813 года, сумел собрать армию, превосходящую по численности или, по крайней мере, очень немногим уступающую армии его противника, и когда это было невозможно для него, как при Лейпциге, Бриенне, Лане, Ватерлоо, он был разбит".⁴³ "Из этого мы можем сделать вывод, что в нынешнем состоянии Европы самому талантливому полководцу очень трудно одержать победу над врагом, вдвое превосходящим его по силе. Теперь, если мы увидим, что двойная численность является такой гирькой на чаше весов даже против величайших полководцев, мы можем быть уверены, что в обычных случаях, как в небольших, так и в крупных сражениях, значительного превосходства в численности, которое не обязательно должно быть более *двух к одному*, будет достаточно, чтобы *обеспечить победу*, какими бы неблагоприятными ни были другие обстоятельства".⁴⁴

Двойное численное превосходство в решающий момент является, таким образом, идеалом стратегии. "Следовательно, численное превосходство следует рассматривать как фундаментальную идею, к которой всегда следует стремиться, прежде всего, и насколько это возможно". Если стратегия сделала это, значит, она выполнила свой высший долг. Тогда тактик должен максимально использовать это превосходство, таким образом обеспечиваемое стратегией, и одержать победу. Затем стратегия повторяет операцию с новыми комбинациями, подходящими для изменившихся обстоятельств, чтобы выиграть следующее сражение, и так далее, пока враждебная вооруженная сила не будет уничтожена.

Это *численное превосходство* в бою как *первый принцип стратегии* мы требуем, во всех случаях, в сезон и не в сезон, повторять снова и снова. В настоящее время у нас нет той численности, которая нам нужна. Мы должны ее получить. В противном случае мы неизбежно будем уступать в численности, и "лучшая стратегия" будет возможной для наших врагов и невозможной для нас. Это зависит от наших государственных деятелей.

Решающий момент

Если двойное превосходство, или как можно более близкое к двойному, в решающий момент является идеалом стратегии ... что является решающим моментом?

Здесь мы в еще одном долгу перед Клаузевицем. Жомини, даже вслед за Наполеоном, путает нас с тремя различными видами решающих пунктов на театре военных действий, но Клаузевиц проясняет ситуацию, утверждая только *один*.

"Но каким бы ни был центральный пункт вражеской мощи, против которого мы должны направить наши окончательные операции, *все же завоевание и уничтожение его армии является самым надежным началом и, во всех случаях, самым важным*".⁴⁵

Вот в двух словах: где бы ни находились основные силы противника, там есть решающий пункт, против которого мы должны сосредоточить ВСЕ наши силы.

"В Европе много хороших генералов, - сказал Наполеон, - но они видят слишком много вещей одновременно. *Что касается меня, я вижу только одно - главную армию противника, и я концентрирую все свои усилия, чтобы уничтожить ее.*"

Одновременное применение всех Сил

"Правило, - говорит Клаузевиц, - которое мы пытались изложить, состоит, следовательно, в том, что все силы, которые имеются в наличии и предназначены для стратегической цели, должны быть *одновременно* применены к ней. И это применение будет тем более полным, чем больше все будет сведено к одному действию и одному моменту".⁴⁶ Это он называет "*законом одновременного применения сил в стратегии*".⁴⁷ "В стратегии мы никогда не можем использовать слишком много сил".⁴⁸ "То, что в тактике может рассматриваться как избыток силы, в стратегии должно рассматриваться как средство расширения успеха". "*Никакие войска не должны оставаться в качестве стратегического резерва*", но каждый доступный человек поспешил на первое поле боя, тем временем в тылу формировались новые пополнения. В качестве примера того, чего не следует делать, Пруссия в 1806 году удержала 45 000 человек в Бранденбурге и Восточной Пруссии; они могли бы, если бы присутствовали в Йене, превратить поражение в победу, но впоследствии они были бесполезны.⁴⁹ Ошибка, которую так часто допускали, может быть допущена снова.

Концентрация

"Невозможно быть слишком сильным в решающий момент", - сказал Наполеон. Сосредоточить всех доступных людей и орудия в решающем пункте, чтобы добиться там превосходства, нелегко, поскольку противник предпримет аналогичную попытку. "Расчет времени и пространства представляется наиболее важным для достижения этой цели. Но расчет времени и пространства, хотя он повсеместно лежит в основе стратегии и в определенной степени является ее хлебом насущным, все же не является ни самым трудным, ни самым решающим". "Гораздо чаще относительное превосходство, то есть умелое объединение превосходящих сил в решающем пункте, имеет свою основу в правильной оценке этих моментов, в разумном распределении, которое таким образом было дано силам с самого начала, и в *решимости пожертвовать неважным ради преимущества важного*. В этом отношении особенно характерны Фридрих Великий и Бонапарт".⁵⁰

"Нет более простого и императивного правила стратегии, чем *сохранять концентрацию всех сил. Ни одна часть не должна отделяться от основного корпуса, если только это не вызвано какой-либо срочной необходимостью*. Мы твердо придерживаемся этой максимы и рассматриваем ее как факт, на который можно положиться".⁵¹

"Концентрация всех сил (т.е. на расстоянии поддержки) должна быть правилом, а каждое отделение или дивизия является исключением, которое должно быть оправдано".⁵²

Конечно, это не означает, что все войска должны быть сосредоточены одной массой на одной дороге, но на расстоянии поддержки, поскольку он прямо заявляет: "*Сейчас достаточно, если концентрация происходит в ходе боевых действий*".⁵³ Эта доктрина, ограниченная последним предложением, делает Клаузевиц - зародыш современной военной мысли, поскольку последнее предложение оставляет место для всех современных разработок новых дорог, железных дорог, телеграфов, проводной и беспроводной связи и так далее.

Следовательно, на войне, согласно Клаузевицу, концентрация, сосредоточение, еще раз концентрация, и *каждое разделение или отрешенность - это зло, которое может быть оправдано только настоящей необходимостью*. Здесь мы снова обнаруживаем простую истину, которую, однако, история всех войн показывает нам, что осуществить очень трудно. Отсюда ценность того, чтобы всегда помнить о такой императивной максиме.

Первое Серьезное Сражение

"Чем больше генерал выходит на поле боя в истинном духе войны, а также любого другого сражения, которое он должен и *будет* побеждать, тем больше он будет стремиться бросить на чашу весов все, что у него есть, в первом сражении, и надеяться, и стремиться выиграть с его помощью все. Наполеон едва ли когда-либо вступал в войну, не думая о том, чтобы победить своего врага сразу же, в первом сражении".⁵⁴

"В самом начале войны мы должны направить все наши усилия на то, чтобы выиграть первое сражение, потому что неблагоприятный исход - это всегда недостаток, которому никто добровольно не подвергнет себя, а также потому, что первое решение, хотя и не единственное, все же окажет тем большее влияние на последующие события, чем оно больше само по себе".⁵⁵

"Закон одновременного использования сил в стратегии позволяет главному результату (который не обязательно должен быть окончательным) почти всегда иметь место в начале великого действия".⁵⁵ Великая победа, одержанная таким образом в самом начале, расстроит весь план кампании противника и позволит нам осуществить наш собственный. Таким образом, первое крупномасштабное сражение - это кризис стратегий соперников, и на его благоприятное разрешение должны быть направлены все наши приготовления, все наши силы и вся наша энергия. Это момент, который гражданским лицам, похоже, трудно осознать. Посмотрите на всю нашу историю, когда в начале каждой войны было недостаточно сил, как даже в последней из наших войн — в Южной Африке. Это момент, над которым нашим государственным деятелям следует очень серьезно подумать.

Сложность концентрации превосходящих сил для первого сражения заключается в том, что противник будет или должен быть того же мнения и будет прилагать равные усилия для победы в

первом сражении. Таким образом, кризис будет еще более острым, битва - более ожесточенной, а результат - более значительным.

"Мы не могли бы сразу не показать, что кровавое разрешение кризиса, усилия по уничтожению главных сил противника являются первородными сыновьями войны"."56

Пока это не сделано, пока не одержана первая великая победа, стратег не должен думать ни о чем другом.

Тогда, и только тогда, составьте следующую комбинацию в соответствии с изменившимися обстоятельствами, чтобы выиграть следующую.

*"Ибо мы утверждаем, что, за немногими исключениями, победа в решающем пункте повлечет за собой решение по всем второстепенным пунктам"*57 на всем театре войны. Следовательно, ничто другое не имеет значения надолго, и для победы в первой великой битве "всем остальным нужно пожертвовать". Ибо сосредоточение может быть достигнуто только жертвой.

Погоня

*"После того, как великая победа одержана, следующий вопрос стоит не об отдыхе, не о том, чтобы перевести дух, не о реорганизации и т.д., А только о преследовании, о новых ударах там, где это необходимо, о захвате столицы противника, о наступлении армий его союзников или о чем-либо другом, что кажется объединяющим фактором для врага".*58

Клаузевиц указывает, что это очень трудно, и что заставить свои измученные войска энергично продолжать преследование до наступления ночи требует БОЛЬШОЙ силы ВОЛИ со стороны не менее измученного командира. Нам нужно только помнить, что сам Наполеон в критический момент своей судьбы, будучи физически уставшим, не смог преследовать союзников после своей победы при Дрездене в 1813 году, в результате чего он потерял все плоды своей победы и, по сути, свой последний шанс на окончательный успех.

Краткое изложение стратегических принципов

Опуская, ради краткости, остальные его стратегические соображения, я спешу завершить этот очерк беглым взглядом на замечательное изложение стратегических принципов Клаузевица59:

"Первая и самая важная максима, которую мы можем поставить перед собой, - это использовать ВСЕ силы, которые мы можем сделать доступными, с МАКСИМАЛЬНОЙ ЭНЕРГИЕЙ. Даже если результат сам по себе достаточно достоверен, крайне неразумно не делать его совершенно достоверным.

"Второй принцип заключается в том, чтобы максимально сконцентрировать наши силы в точке, где должен быть нанесен РЕШАЮЩИЙ удар. Успех на этом этапе компенсирует все поражения на второстепенных этапах.

"Третий принцип - не терять времени. Быстрота и неожиданность - самые мощные элементы победы.

"Наконец, четвертый принцип заключается в том, чтобы ДОБИВАТЬСЯ УСПЕХА с ПРЕДЕЛЬНОЙ ЭНЕРГИЕЙ. Преследование побежденного врага - единственное средство пожать плоды победы.

"Первый из этих принципов лежит в основе всех остальных. Если мы следовали первому принципу, то можем сколько угодно распространяться о трех других, не рискуя всем. Это дает нам возможность постоянно создавать за нашей спиной новые силы, и с новыми силами любая катастрофа может быть устранена. В этом, а не в том, чтобы идти вперед робкими шагами, заключается то благоразумие, которое можно назвать мудрым."

Эти великие принципы являются всем на войне, и "при должном соблюдении этих принципов форма (то есть геометрический элемент), в которой ведутся боевые действия, в конечном итоге не имеет большого значения".

"Поэтому я совершенно убежден, что тот, кто призывает все свои силы для того, чтобы непрерывно появляться с новыми массами, тот, кто применяет все мыслимые средства подготовки, тот, кто концентрирует свои силы в решающем пункте, тот, кто, вооруженный таким образом, решительно и энергично преследует великую цель, сделал все, что можно было сделать в целом для стратегического ведения войны, и что, если только он не потерпит полного поражения в битве, несомненно, одержит победу в той же мере, в какой его противник не проявил таких усилий и энергии".

Размышления

Когда мы твердо усвоим эти великие простые принципы стратегии, следующий вопрос заключается в том, как использовать наши знания. Ибо принципы бесполезны, если мы их не применяем. При рассмотрении оказывается, что есть три способа, которыми мы все можем с пользой применить эти принципы.

I. Применение этих нескольких ведущих принципов к каждой кампании, о которой мы читаем, окажется очень интересным и укрепляющим умственным упражнением, чтобы искать указания на их применение в стратегии каждой воюющей стороны, насколько каждый командующий преуспел и насколько потерпел неудачу в их полном осуществлении, и где, когда и почему он преуспел или потерпел неудачу, и каковы результаты его выполнения или бездействия. Также искать взаимосвязь политических мотивов войны с военными операциями и видеть, насколько далеко воюющие государственные деятели достигли или не смогли достичь своей политической цели, в зависимости от сравнительной степени подготовки, которую они для этого предприняли, и величины усилий, которые они приложили или не приложили, чтобы поддержать ее всеми средствами нации, материальными, моральными и физическими. Также для того, чтобы увидеть, насколько был возбужден национальный дух или нет, и причины этого, и отметить большую или меньшую энергию, решимость и отвагу, которые впоследствии были вложены в войну. Также отметим, как тщательное применение этих великих простых принципов стратегии сокращает войну и тем самым снижает ее стоимость (1866-1870 гг.), и как пренебрежение ими государственными деятелями, несмотря на их стойкость впоследствии, удлинит войну и чрезвычайно увеличивает ее стоимость (Южная Африка и т.д.). Используемые таким образом, эти принципы дают нам теоретически верную почву для критики.

II. Эти принципы также дают нам теоретически верную основу для прогнозирования того, какими будут действия наших противников в любой будущей войне, размер сил, которые они задействуют, как они будут направлять эти силы, а также количество энергии, решимости и смелости, с которыми они будут использовать их против нас. Это аксиома - всегда предполагать, что враг поступит наилучшим и мудрейшим образом, и соответственно готовиться.

III. Эти принципы также дают нам теоретически правильную основу для наших собственных контрподготовок. Мы требуем принять участие в самой опасной войне, которая вероятна или возможна, и провести все мыслимые приготовления для реализации в ней этих принципов.

В таком случае, как мы собираемся сделать возможным победу наших генералов и, таким образом, спасти нацию от непоправимых последствий и огромной военной контрибуции в размере 800 000 000 фунтов стерлингов или около того, которая последовала бы за поражением? Как мы собираемся это сделать? Как мы собираемся сделать так, чтобы наши генералы могли использовать наилучшую стратегию? Идеал стратегии, к которому всегда следует стремиться, - это двойное численное превосходство. Как мы собираемся дать это нашим генералам? Если мы не можем этого сделать, то как мы собираемся дать им хотя бы какое-то *превосходство* вообще, чтобы они могли реализовать первый принцип стратегии? Каким образом? Или мы НЕ собираемся *должным образом готовиться* к этим трем вариантам развития событий, и когда один из них внезапно наступит, попросим наших генералов спасти нас от судьбы, которую мы сами навлекли на себя, совершив невозможное? Именно таким образом государственный деятель должен использовать эти несколько великих простых принципов стратегии для достижения своей политической цели и защиты интересов нации.

ГЛАВА X РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ

Итак, как учит Клаузевиц, теорию войны достаточно легко понять. Нет причин — можно даже сказать, никаких оправданий, — почему бы каждому, будь то солдат или государственный деятель, не знать этого достаточно хорошо. Великих руководящих принципов стратегии немного, и они просты. Нет никаких причин, по которым каждый, будь то солдат или государственный деятель, не должен досконально понимать и знать эти несколько простых принципов и иметь их под рукой, готовый применить к рассмотрению любого военного вопроса, прошлого, настоящего или будущего. Пока все просто. Но когда речь идет о применении в реальной войне этой простой теории, этих простых стратегических принципов, тогда это СОВСЕМ другое дело, тогда это вопрос величайшей трудности. Это различие, которое разуму всегда очень трудно осознать, о чем свидетельствуют обвинения, которыми почти всегда приветствуется любая неудача в исполнении генералом, независимо от того, насколько велики реальные трудности, с которыми ему приходилось бороться. Наблюдатели редко делают скидку на эти трудности, в значительной степени, вероятно, потому, что они их не понимают. Настоящая глава посвящена этим трудностям исполнения на войне.

Гений войны

В большой главе Клаузевица "Гений войны"⁶⁰ он излагает трудности, с которыми сталкивается генерал, характер и гениальность, движущую и воодушевляющую силу, необходимые для преодоления трений войны. Невозможно адекватно абстрагироваться от этого; я могу только посоветовать всем прочитать это самим. Но я постараюсь дать о нем представление.

После обсуждения различных видов мужества, необходимого генералу, физического перед опасностью и морального перед ответственностью, силы тела и разума, личной гордости, патриотизма, энтузиазма и т.д., он приходит к неожиданному.

"Война, - говорит он, -- это область неопределенности. Три четверти того, на что должны быть рассчитаны действия на войне, более или менее скрыты в облаках большой неопределенности. Таким образом, здесь, прежде всего, требуется тонкий и проницательный ум, чтобы нащупать истину с помощью такта своего суждения". Обратите внимание на этот момент, что три четверти из того, что мы, критики, узнали ПОСЛЕ событий, когда вся информация о ситуации была собрана и опубликована, были неизвестны генералу, который должен был принять решение, или о чем он лишь смутно догадывался из ряда противоречивых сообщений.

"Из-за этой неопределенности всех разумных данных и предположений, из-за этого постоянного вмешательства случая". Теперь, если он хочет благополучно пройти через этот вечный конфликт с неожиданностями, необходимы два качества; во-первых, понимание, которое даже среди этой глубокой темноты не лишено некоторых следов внутреннего света, который ведет к истине, и затем мужество следовать за этим слабым светом. Первое выражается французской фразой *государственный переворот*; второе - *резолуция*".

"Решимость - это акт мужества перед лицом ответственности". "Предвестник решимости - это акт разума, разъясняющий необходимость отважиться и таким образом влияющий на волю. Это совершенно особое направление ума, которое побеждает все остальные страхи в человеке страхом колебания или сомневаться, и есть то, что формирует решимость в сильных умах".

Жизненная важность твердости и решимости, о которых так настойчиво говорил Клаузевиц, станет очевидной для всех, если мы вспомним, как даже самые сильные личности были разрушены временным приступом колебаний на войне. Сравните, например, мастерское изложение Йорка против Вартенбурга разрушительных, самоубийственных колебаний Наполеона в 1813 году в Дрездене.

Также требуется *"способность прислушиваться к голосу разума посреди самого сильного возбуждения, в буре самых неистовых страстей"*.

"Но придерживаться результатов прошлых размышлений в противовес потоку мнений и явлений, которые приносит с собой настоящее, - вот в чем трудность". "Здесь нам не может помочь ничто другое, кроме императивной максимы, которая, независимо от размышлений, сразу же управляет ими: эта максима заключается в том, чтобы *во всех сомнительных случаях придерживаться первого мнения и не отказываться от него, пока ясное убеждение не вынудит нас сделать это*".

"Но как только возникают трудности, а это всегда должно происходить, когда на карту поставлены великие результаты, тогда машина, сама армия, начинает оказывать своего рода пассивное сопротивление, и чтобы преодолеть это, командир должен обладать огромной силой воли". Движущая сила, такая, как у Наполеона. А также "душераздирающее зрелище кровавой жертвы, с которой командиру приходится бороться самому".

"Это те нагрузки, с которыми должны бороться и ПРЕОДОЛЕВАТЬ мужество и интеллектуальные способности командира, если он хочет прославить свое имя". Если он хочет предотвратить падение своей страны.

Размышления

(1) В связи с этими трудностями я хотел бы выдвинуть предложение относительно критики действий генерала на войне, которое, хотя и не совсем принадлежит Клаузевицу, является следствием Клаузевица. Дело вот в чем. При чтении войны с ясностью и последующим знанием истории легко увидеть, что почти все поражения были вызваны несоблюдением того или иного из нескольких ведущих принципов стратегии, упомянутых в предыдущей главе. Но мы должны предположить, что побежденный генерал был знаком с этим принципом и что его воля заключалась в том, чтобы претворить его в жизнь. В чем же тогда заключались трудности, трения, которые в какой-то конкретный день или несколько дней подавляли его волю и заставляли поступаться принципами? Именно в этом большинство критиков подводят нас. Вот, кажется, вопрос, который нужно искать. И могло ли более сильное решение позволить ему преодолеть эти трудности, эти трения? И если да, то как и какими средствами? Но сначала мы должны выяснить трудности и неопределенность того конкретного дня, когда его воля дала сбой. Возьмем в качестве примера Маньчжурскую кампанию. Если бы у нас только была военная история кампании 1870 года или Маньчжурии, написанная в форме серии "оценок ситуации", чтобы мы не знали ничего, кроме того, что генерал знал в то время, когда мы читаем, и если бы истинное положение дел можно было утаить от нас до конца, это, я думаю, было бы очень поучительно и полезно. Это был бы более сложный способ написания военной истории, но я думаю, что дополнительные хлопоты окупались бы дополнительной ценностью. Так, по крайней мере, кажется.

(2) Если мы задумаемся об огромных трудностях, столь поразительно выявленных Клаузевицем, с которыми *нашим* генералам приходится бороться и *преодолевать* в реальной войне, это, несомненно, должно научить нас сдерживать нашу критику. Это, несомненно, также должно придать нам решимости в будущем пытаться помогать им, насколько это в наших силах, дома, а не бездумно увеличивать их и без того колоссальное бремя. В прошлом нам дома было в чем обвинять самих себя, о чем сожалеть. В прошлом мы часто усугубляли трудности наших генералов, часто мы значительно ослабляли их шансы и увеличивали шансы их противников, часто мы непреднамеренно, по незнанию бросали гирю на чашу весов против нашей страны.

(3) Невежество общественности в отношении ведения войны представляет для нас очень серьезную национальную опасность. Если бы это невежество было менее выраженным, если бы наши государственные деятели понимали огромную важность информации для врага и не меньшую важность для наших генералов того, чтобы эта информация не досталась врагу, тогда общественная жажда информации о каждой детали того, что происходит на местах, и требование ее широкой публикации, несомненно, были бы подавлены. Ни в одной из наших кампаний не происходит ничего такого, о чем не стало бы немедленно известно; сообщения о

действиях с полнейшими подробностями относительно задействованных войск и понесенных ими потерь появляются в колонках прессы в течение нескольких часов после их начала.

Поэтому любые усилия наших генералов на местах сохранять в тайне численность, намерения и передвижения намеренно, хотя, вероятно, и непреднамеренно, противодействуют их собственным соотечественникам. Без сомнения, это происходит из-за чистого незнания войны, но последствия этого незнания столь же ужасны, как если бы они были вызваны злым умыслом. Справедливости ради, однако, мы должны признать, что в прошлом огромная ценность скрытности не была полностью оценена самими некоторыми нашими солдатами, и было бы хорошо, если бы в будущем больше внимания уделялось важности секретности.

Результаты такой почти преступной глупости могут быть незаметны, когда мы сражаемся с диким врагом, но если мы когда-нибудь столкнемся, а мы, несомненно, когда-нибудь столкнемся, с несчастьем столкнуться с цивилизованной державой, мы можем быть уверены, что не только операции затянутся на неопределенный срок, *а их стоимость чрезвычайно возрастет*, но и их успешное завершение будет для нас весьма проблематичным.

В этой связи следует помнить, что у каждой Великой державы есть секретные агенты в каждой стране, включая Великобританию, и что такому секретному агенту будет легко передать шифром или каким-либо согласованным кодом агенту в нейтральном государстве всю опубликованную здесь военную информацию, который сразу же передаст ее враждебному генералу, который, таким образом, в течение очень короткого времени после ее публикации в Лондоне получит, возможно, именно ту информацию, которая ему требуется, чтобы прояснить для него стратегическую или тактическую ситуацию и позволить ему разгромить комбинации наших генералов. В качестве примера возьмем поход Мак—Магона на Седан, чтобы освободить Мец в 1870 году, где секретность была абсолютно необходима для успеха, но о котором немцам стало известно из английских газет. -Результат, Седан.

Очевидно, что этого нельзя допустить. Считается, что патриотизм нашей прессы будет приветствовать любые необходимые меры с этой целью, если они станут обязательными для ВСЕХ.⁶¹

ГЛАВА XI ТАКТИКА

Некоторые, вероятно, захотят спросить, что Клаузевиц, писавший более восьмидесяти лет назад, может сказать о тактике, которая может быть ценной в двадцатом веке.

Наполеон сказал, что тактика меняется каждые десять лет, в соответствии, конечно, с техническим прогрессом и т.д. Оружие действительно меняется, но есть одна вещь, которая никогда не меняется, и это человеческая природа. Самое важное в тактике - человек, стоящий за оружием, - никогда не меняется; в своем сердце и чувствах, в своей силе и слабости он всегда остается почти таким же.

Следовательно, тактические выводы Клаузевица, основанные на огромных и разнообразных данных, полученных в ходе отчаянных и длительных боевых действий Революционных и

наполеоновских войн, пронизанные его всепроникающим психологическим или моральным взглядом, никогда не утратят для нас своей ценности.

Несомненно, верно, что наши сегодняшние винтовки могут быть эффективно использованы на расстоянии в десять раз большем, чем старые гладкоствольные ружья времен Клаузевица, наша шрапнель в пять раз дальше, чем его пушки, и что укрытие и земля играют гораздо более важную роль сейчас, чем тогда, и так далее. Все это, конечно, значительно видоизменяет тактику Клаузевица. Однако не так много, как заставляют нас предполагать некоторые учебники, которые, кажется, всегда предполагают чистую местность и ясную погоду. В конце концов, сколько боев ведется на местности, где поле обстрела очень ограничено (*смотрите "Оборону Плевны" Герберта и т.д.*), или ночью? Сколько сражений ведется во время дождя, или снега, или тумана, или дымки, которая разрушает все дальнобойные действия? Сравните грандиозные бои с применением "пуль, штыков, сабель, ручных гранат и даже кулаков", попытки Ноги перерезать русским линию отступления в Мукдене, с рукопашными боями при Эйлау, Фридланде, Бородино или с отчаянными попытками французов в 1812 году открыть им линию отступления через Маро-Ярославиц, где весь день массы войск сражались врукопашную на улицах: "город был взят и отвоеван семь раз, и соперничающие нации сражались штыками в битвах за город". посреди горящих домов" (Элисон).

Когда дело доходит до удара пикой, как и во всех важных решениях между одинаково решительными противниками, разница между сражениями времен Клаузевица и нашими невелика. Самые последние примеры из всех, рукопашные бои в Маньчжурии, возвращают нас к наполеоновским сражениям.

Поэтому, несмотря на прошедшие восемьдесят лет, труды Клаузевица по-прежнему ценны с тактической точки зрения, всегда учитывая разницу в оружии, из-за человеческого сердца в бою.

Его идеи о тактике в значительной степени просочились через его немецких учеников в наши учебники, за вычетом психологических или моральных замечаний, так что нет необходимости подробно вдаваться в тему или приводить ряд выдержек. Это было бы утомительно. Я, однако, приведу несколько отрывков наугад в качестве иллюстраций.

Фланговые атаки

Стремление захватить линию отступления противника и защитить нашу собственную, на что было потрачено столько эрудиции различными авторами, он рассматривает как естественный инстинкт, который ВСЕГДА будет проявляться как у генералов, так и у младших офицеров.

"Из этого вытекает, что во всем ведении войны, и особенно в больших и малых сражениях, возникает СОВЕРШЕННЫЙ ИНСТИНКТ, который заключается в обеспечении безопасности нашей собственной линии отступления и захвате линии противника; это следует из концепции победы, которая, как мы видели, представляет собой нечто большее, чем просто бойня. Таким образом, в этом усилии мы видим ПЕРВУЮ непосредственную цель в бою, которая является вполне универсальной. Вообразить себе невозможно ни одно сражение, в котором это усилие, будь то в его двойной или одиночной форме, не шло бы рука об руку с простым силовым ударом. Даже самый маленький отряд не бросится на врага, не подумав о своем пути отступления, и в

большинстве случаев он будет следить за линией противника".⁶² "Это великий *естественный закон боя*", "и поэтому он становится стержнем, на котором разворачиваются ВСЕ стратегические и тактические маневры".

Резервы —Разрушительный и решающий акт

Исход сражения он считает решенным тем, кто в конце концов обладает перевесом моральных сил, то есть свежими или лишь частично израсходованными войсками.

Сам бой он делит на разрушительный и решающий акт. Во время длительного разрушительного действия, или периода огневой подготовки, задействованные войска постепенно изматывают друг друга и постепенно почти перестают считаться факторами при принятии решения. "После огневого боя продолжительностью в несколько часов, в котором группа войск понесла серьезные потери — например, четверть или треть своей численности - на *обломки* можно какое-то время смотреть как на кучу золы. Ибо люди физически истощены; они израсходовали свои боеприпасы; многие покинули поле боя с ранеными, хотя сами не были ранены (сравните, например, Эйлау и сражения 1870 года); остальные думают, что на сегодня они выполнили свою часть работы, и если они выйдут за пределы сферы опасности, то не по своей воле вернуться туда. Чувство мужества, с которым они изначально начинали, исчезло, жажда борьбы удовлетворена, первоначальная организация частично разрушена, а формирования распущены".

"Таким образом, количество утраченных моральных сил может быть оценено по количеству израсходованных Резервов, почти как в случае с правилом ходьбы".⁶³

Это продолжается до тех пор, пока "По всей вероятности, только нетронутый резерв и некоторые войска, которые, хотя и были в бою, пострадали очень мало, в действительности не могут считаться пригодными к боевым действиям, а остальные (возможно, четыре шестых) в настоящее время могут рассматриваться как "caput mortuum".

Поэтому искусство командира он рассматривает как "экономия силы" в период разрушения; то есть использовать как можно меньше войск, используя преимущество местности, укрытия и т.д., "использовать в бою с огнестрельным оружием меньшее количество людей, чем использует противник", так что меньшее пропорциональное количество его собственных солдат превращается в "кучу золы", и остается больше моральных сил для принятия решения.

"Сотни раз, - говорит он, - линия огня выдерживала натиск противника, вдвое превосходящего ее по численности" (например, буров).

Выполнение этого и в то же время получение хорошего огневого эффекта требует очень умелого обращения с войсками, как со стороны начальника, так и со стороны подчиненных руководителей.

С полученным таким образом перевесом командир, наконец, приступает к принятию решения. "Ближе к концу сражения к линии отступления всегда относятся с повышенной ревностью, поэтому угроза против этой линии всегда является мощным средством принятия решения (Ляоян, Мукден). По этой причине, когда позволят обстоятельства, план сражения будет нацелен на этот пункт с самого начала". Или: "Если этот износ и истощение сил достигли определенной степени, тогда необходимо быстрое продвижение сосредоточенных масс с

одной стороны против линии фронта другой" (т. е. наполеоновский прорыв центра, в последние годы считавшийся почти безнадежным, но успешно возобновленный в Маньчжурии в случае прорыва центра Нодзу под Мукденом).

Из того, что предшествует, очевидно, что, как в подготовительных действиях должна преобладать предельная экономия сил, так и в решающем действии господствующей идеей должно быть достижение господства за счет *численности*.

Подобно тому, как в подготовительных действиях первыми качествами являются выносливость, твердость и хладнокровие, так и в решающем действии должны преобладать смелость и пламенный дух.

"Разница между этими двумя действиями никогда не будет полностью утрачена в целом".

"Именно так следует понимать нашу точку зрения; тогда, с одной стороны, она не будет расходиться с реальностью, а с другой - привлечет внимание лидера боя (будь то большого или малого, частичного или общего) к тому, чтобы уделить каждому из двух актов активности должное внимание, чтобы не было ни поспешности, ни небрежности.

"Осадки будут, если не будет отведено места и времени для разрушительного акта. *Халатность* в целом будет иметь место, если полное решение не будет принято либо из-за недостатка морального мужества, либо из-за неправильного взгляда на ситуацию".⁶⁴

Продолжительность боя

"Даже сопротивление обычной дивизии из 8000 или 10 000 человек всех родов войск, даже если она противостоит противнику, значительно превосходящему ее численностью, продлится несколько часов, если преимущества местности не будут слишком преобладающими. И если враг лишь немного или совсем не превосходит нас численностью, бой продлится полдня. Корпус из трех или четырех дивизий увеличит это время вдвое; армия численностью в 80 000 или 100 000 человек - в три или четыре раза ". "Эти расчеты являются результатом опыта".⁶⁵

Как указывает генерал фон Кеммерер, если бы эти расчеты соблюдались в современных немецких маневрах, как это делается сейчас во всех военных играх, тактических учениях и штабных поездках, опасный дуализм их подготовки, различие между теорией и практикой маневров, исчез бы.

Атака и защита

Я оставил напоследок рассмотрение трех или четырех спорных моментов у Клаузевица. Рассматривая их, я буду много цитировать из "Развития стратегической науки" генерала фон Кеммерера, поскольку в таких вопросах лучше всего цитировать самых последних авторов с устоявшейся репутацией.

Наиболее важным из них и наиболее оспариваемым является знаменитое изречение Клаузевица о том, что "оборона - это более сильная форма ведения войны". "Защита - это более сильная форма войны с негативным объектом; нападение - это более слабая форма с позитивным объектом".⁶⁶

Генерал фон Кеммерер говорит: "Странно, мы, немцы, смотрим на Клаузевица как на бесспорно самого глубокого и проницательного мыслителя по теме войны; благотворный эффект его интеллектуальных трудов общепризнан и высоко оценен; но более или менее ожесточенная оппозиция этому предложению никогда не прекращается. И все же эту фразу так же мало можно вырезать из его работы "О войне", как сердце из человека. Наши самые выдающиеся военные писатели здесь расходятся с Клаузевицем.

"Сейчас, конечно, я здесь не предлагаю вдаваться в подобную полемику. Я только хочу отметить, что Клаузевиц, говоря это, имел в виду только оборонительно-наступательную форму, в которой он всегда рассматривает ее, как стратегическую, так и техническую, в часто повторяющихся объяснениях на протяжении всех своих работ. Например...

"Это ПЕРВЫЙ принцип - НИКОГДА не оставаться совершенно пассивным, а обрушиваться на врага спереди и с фланга, даже когда он находится в процессе атаки на нас".⁶⁷

И снова —

*"Быстрый и энергичный переход в наступление — сверкающий меч возмездия — является самым блестящим моментом в обороне. Тот, кто сразу не подумает об этом в нужный момент, или, скорее, тот, кто с самого начала не включит этот переход в свое представление об обороне, никогда не поймет ее превосходства как формы войны".*⁶⁸ Фон Кеммерер комментирует это так: "И эта концепция обороны Клаузевица стала неотъемлемой частью нашей армии — везде, стратегически и тактически, тот, кто был вынужден занять оборонительную позицию, сразу же думает, как он может организовать контратаку. Таким образом, я не в состоянии понять, как способ, которым Клаузевиц противопоставил Атаку и Защиту, мог каким-либо образом парализовать дух предприимчивости ". Фон Кеммерер также справедливо замечает, что, как всегда настаивал Клаузевиц как в стратегии, так и в тактике, ни атака, ни Оборона не являются чистыми, а колеблются между двумя формами; и поскольку Атака часто временно сводится к самообороне, а также поскольку ни одна нация не может быть уверена в том, что никогда не подвергнется вторжению превосходящей коалиции, наиболее желательно поощрять веру в силу Обороны, если ее правильно использовать. Я думаю, что Веллингтон, вероятно, согласился бы с этим. Конечно, Аустерлиц и Ватерлоо были примерами сражений, которые предпочитал Клаузевиц.

Тем не менее, следует признать, что глава Клаузевица "Отношения наступательного и оборонительного приемов друг к другу в тактике", книга VII. Глава 2 - наименее убедительная глава его работы.

Стратегически этот аргумент более весомый. Мне всегда кажется, что мы должны помнить, что Клаузевиц принимал участие в оборонительно-наступательной войне в ее самой сильной, абсолютной и неограниченной форме, в максимально возможном масштабе — в Московской кампании и разгроме (завершившемся до того, как упала хоть одна снежинка) Великой армии. Если бы он дожился до завершения пересмотра своих работ, мне всегда кажется, что он сделал бы свою теорию неоспоримой, заявив, что оборона - это самая сильная форма войны, *если она не ограничена пространством*. Что, например, произошло бы, если бы японцы попытались пройти маршем через Сибирь на Санкт-Петербург?

Но, в конце концов, какая из двух форм войны является абсолютно более сильной, нападение или защита, является всего лишь теоретической абстракцией, поскольку практически выбор

всегда определяется за нас настоятельной необходимостью обстоятельств. И в этой связи давайте всегда помнить изречение Клаузевица: "Быстрый и энергичный переход в наступление — сверкающий меч возмездия — является самым блестящим моментом в обороне".

Внутренняя Линия

Вторым спорным моментом является предполагаемое предпочтение Клаузевицем, как правило, Внутренней линии в стратегии. Но необходимо помнить, что это было только из-за условий его времени, до появления железных дорог и телеграфа, когда было трудно поддерживать связь между колоннами, действующими по концентрическим линиям. И он никоим образом не связан узами брака с Внутренней Линией, как Жomini, но *только* при благоприятных обстоятельствах. У него есть много предложений, из которых мы можем заключить, что, живи он во времена железных дорог и телеграфа, его стратегия, как и стратегия Мольтке, его самого выдающегося ученика, была бы, как правило, направлена на охват. Ибо быстрая переброска войск по нескольким железным дорогам требует широкого стратегического фронта, и Клаузевиц особо выделяет быстроту в качестве своего второго великого принципа и говорит:

"Если концентрация сил приведет к обходам и потере времени, а опасность продвижения отдельными линиями не слишком велика, то то же самое может быть оправдано на этих основаниях; поскольку *осуществление ненужной концентрации сил* противоречило бы второму принципу, который мы изложили (т.е. "действовать как можно быстрее)".⁶⁹ Также: "Такое разделение на несколько колонн, которое является абсолютно необходимым, должно использоваться для организации тактической атаки в охватывающей форме, *поскольку эта форма естественна для атаки, и им нельзя пренебрегать без веской причины*".⁷⁰ Также: "Сейчас достаточно, если концентрация происходит во время действия." Таким образом, хотя условия его времени заставляли Клаузевица предпочитать тесную концентрацию и Внутреннюю линию, подобно Наполеону, все же его размышления побудили его выдвинуть зародыш стратегии Мольтке. Замените строгую концентрацию Клаузевица следующим: "Настолько тесная концентрация, объединенные передвижения регулируются телеграфом, насколько это совместимо с максимальным использованием железных дорог и максимальной скоростью" (как он, несомненно, сказал бы), и мы придем к стратегии Мольтке.

Лобовые атаки

Третьим спорным моментом является его вера в превосходящую тактическую эффективность, при благоприятных обстоятельствах, наполеоновского метода прорыва линии противника в центре. Прорвать линию фронта лобовой атакой было, конечно, намного легче во времена наполеоновской войны Клаузевица, чем с помощью оружия дальнего действия наших дней, и вполне естественно, что Клаузевиц в своих трудах придавал этому всю тактическую важность, которой оно тогда заслуживало. Его книга не соответствовала бы тактическим условиям его времени, если бы он не сделал этого, имея перед мысленным взором Риволи, Аустерлиц, Саламанку, Экмюля и т.д. Но вряд ли правильно обвинять его в чрезмерном пристрастии к лобовым атакам, поскольку он наиболее объективно исследовал как лобовые, так и охватывающие атаки, выделив каждому из них их относительные преимущества и недостатки, и пришел к выводу: "Охват может привести непосредственно к *уничтожению* армии противника, если он проводится с очень большим численным превосходством и успешно. Если это приводит к победе, то первые результаты *в любом случае* выше, чем при прорыве вражеской линии

обороны. Прорыв линии обороны противника может лишь косвенно привести к уничтожению армии противника, и его последствия проявляются не столько в первый день, сколько в стратегическом плане впоследствии", [71](#) путем растаскивания по разным направлениям отступления разрозненных фрагментов разбитой армии.

"Прорыв через вражескую армию путем сосредоточения наших главных сил против одного пункта, *предполагает чрезмерную протяженность фронта со стороны противника*; ибо при такой форме атаки трудность захвата остатков сил противника небольшим количеством войск больше, потому что силы противника, находящиеся ближе к главному пункту атаки, могут легко присоединиться к противодействию ему. Теперь, при атаке в центр такие силы действуют с обеих сторон атаки; при атаке во фланг - только с одной стороны. Следствием этого является то, что такая центральная атака может легко закончиться очень невыгодной формой боя, *посредством конвергентной контратаки*". В этом и заключается наша современная трудность. "Поэтому выбор между этими двумя формами нападения должен быть сделан в соответствии с существующими условиями на данный момент. Протяженность фронта, характер и направление линии отступления, боевые качества войск противника и характеристики их генерала, наконец, местность должна определять выбор".

Говоря в целом, он считает *концентрическую* охватывающую форму тактической атаки, нацеленной на линию отступления противника, наиболее эффективной и естественной. - На самом поле битвы ... охватывающая форма всегда должна считаться наиболее эффективной". [72](#) И *эксцентричная* или лобовая контратака при расширенной охватывающей атаке как наиболее эффективная и естественная форма защиты, такая как контратаки Наполеона при Аустерлице или Дрездене, или Веллингтона при Саламанке. "И мы думаем, что одно средство, по крайней мере, так же хорошо, как и другое". [73](#)

Теперь я думаю, что эти выдержки в достаточной степени защищают Клаузевица от обвинения в чрезмерной вере в лобовые атаки, и, учитывая частые успехи таких наполеоновских атак в его время, он дает очень справедливое обобщение относительных преимуществ и недостатков этих атак, и действительно таких, о которых можно было бы написать в наши дни. Действительно, совершенно ненормальные условия англо-бурской войны вызвали такое отвращение к лобовым атакам и так много пустых разговоров о том, что они прекратились, что очень полезно обратиться к Клаузевицу за напоминанием о том, что прорыв центра, независимо от постулируемого им условия, а именно *чрезмерного расширения фронта* со стороны противника, всегда будет оставаться одной из двух великих форм решающей атаки, доступных командиру.

И поскольку в наши дни силы настолько огромны, что охватить вражеский фланг становится все труднее, а протяженность фронта становится такой гигантской (фронт нескольких армий на линии, возможно, от сорока до семидесяти миль), хорошо бы подумать, не предложит ли прорыв центра противника снова наиболее выгодную форму для последнего решающего акта, в сочетании, конечно, как всегда ДОЛЖНО быть, по словам Клаузевица, с сильной атакой с фланга. И в этих гигантских сражениях будущего, таких как Ляоян и Мукден, которые мы должны считать типичными для будущего, сражениях, которые должны занять несколько дней, в

течение которых войска в первой линии будут совершенно измотаны, — решающую атаку в центр можно хорошо представить после того, как вражеские резервы будут отвлечены на дневной переход сильной атакой с фланга. Как, например, фланговая атака Ноги вокруг Мукдена, за которой последовал решительный прорыв Нодзу в центр и захват самого Мукдена.

Таким образом, я далек от того, чтобы считать замечания Клаузевица о лобовых атаках и прорыве линии устаревшими, скорее из великих русско-японских сражений следует, что они заслуживают пристального изучения в будущем.

Тактический и Стратегический охват

Четвертым спорным моментом является предпочтение Клаузевица, из-за его настаивания на максимально возможной концентрации с должным учетом обстоятельств, тактическому охвату, организованному на поле боя или вблизи него, стратегическому охвату с заранее подготовленными разделенными силами. По этому поводу я снова процитирую генерала В. Кеммерера, который с ним не согласен и говорит: "Клаузевиц провозглашает косой фронт наиболее эффективной стратегической формой наступления... то есть когда вся армия единым фронтом обрушивается на стратегический *фланг* противника и, в случае победы, отсекает его от линии отступления. Но там, где такая ситуация не может быть создана, где наше наступление привело нас к стратегическому *фронту* противника, тогда он видит в тактическом охвате, в формировании наступательного фланга, надлежащее средство эффективной подготовки к оттеснению противника с его линии отступления, и он отчетливо объясняет, что тактический охват вовсе не обязательно должен быть *следствием* стратегического охвата, и его вовсе не обязательно готовить задолго до соответствующего наступления разделенных сил ". В

Клаузевиц говорит: "Следствием этого является то, что сражения, которые ведутся охватывающими линиями или даже косым фронтом, что должно быть должным результатом выгодного расположения линий коммуникаций, обычно являются результатом морального и физического превосходства".⁷⁴ Также "поэтому он должен продвигаться со своими колоннами только на такой ширине фронта, которая позволяет всем им вступить в бой вместе". "Такое разделение на несколько колонн следует использовать для организации тактической атаки в форме охвата" (т.е. Войсками на расстоянии дневного перехода друг от друга). "Но это должно носить только тактический характер, поскольку стратегический охват, когда должен быть нанесен мощный удар, является полной тратой сил".

Генерал В. Кеммерер комментирует: "Таким образом, он придерживается мнения, что боковое перемещение части армии против фланга противника все еще могло быть без каких-либо трудностей осуществлено в соответствии с планом сражения; и для того, чтобы понять эту идею, мы должны снова иметь в виду разницу между огневым эффектом тогда и сейчас. В те дни сравнительно короткое движение давало еще возможность значительной части армии выйти во фланг обороняющимся; сегодня для достижения той же цели потребовалась бы длительная и трудная операция, и на ее успешное выполнение можно было рассчитывать только в том случае, если обороняющийся оставался полностью пассивным и не думал ни о контрударе, ни о соответствующем перемещении своих сил на угрожаемый фланг ".

Не вдаваясь в этот спор, я, однако, процитирую превосходную причину, приведенную Клаузевицем в пользу его предпочтения тактическому, а не стратегическому охвату: "Одной из особенностей наступательного сражения является неопределенность в большинстве случаев

относительно позиции (примечаний и силы) противника; это полное блуждание на ощупь среди неизвестных объектов (Аустерлиц, Ваграм, Гогенлинден, Йена, Кацбах). Чем больше это имеет место, тем больше концентрация сил становится первостепенной, и предпочтительнее обходить с фланга, чем окружать".⁷⁵

Также полезно вспомнить, сколько знаменитых генералов погибло, по опыту Клаузевица, из-за чрезмерного расширения или распыления их сил. Сокрушительные поражения маршалов Наполеона зимой 1813 года - Макдональда при Кацбахе, Удино при Гросберене, Нейя при Денневице, которые нейтрализовали великую победу Наполеона под Дрезденом и положили начало его разорению, - все это было главным образом вызвано этой причиной.

И погода, опять же, может оказать такое же большое влияние на сокращение сопротивления и позволить разбить войска до прибытия слишком отдаленного подкрепления, как это было в тех сражениях. Если тогда погода препятствовала стрельбе из старых мушкетов и позволяла атакующим атаковать обороняющихся, то теперь туман, дождь, дымка или снег, ограничивая поле зрения и огонь, могут привести к тем же результатам. Когда думаешь о количестве великих сражений, разыгравшихся в такую погоду, поскольку они вполне могут повториться снова, то видишь дополнительную причину для тщательного рассмотрения предупреждения Клаузевица. Далекий от того, чтобы относить его предпочтение тактическому, а не стратегическому охвату, к области устаревшего, из-за нашего улучшенного вооружения, кажется правильным придать ему полный вес в качестве поправки к заметной тенденции превращать стратегический охват (после Кенигграца) в формулу победы. Если в прошлом многие великие полководцы потерпели крах из-за чрезмерной экспансии, то пусть так будет и впредь. Против этой тенденции Клаузевиц всегда будет возвышать свой голос.

Также остается рассмотреть, с учетом огромных армий сегодняшнего дня и будущего, таких как армии под Ляояном и Мукденом, таких армий, которые, возможно, однажды присоединятся к *isbaid* в Афганистане, будет ли осуществим стратегический охват, или же тактический охват, такой как тактическое охватывающее движение генерала Куроки на Ентай и русская линия отступления у Ляояня, или тактический охватывающий рывок генерала Ноги на север к Синьминтингу и железной дороге у Мукдена, не будет предпочтительнее.

Возможно, в качестве компромисса можно было бы назвать такое движение стратегически-тактическим и таким образом избежать спора с помощью жонглирования словами.

Я не пытался сделать ничего большего, чем в общих чертах указать, что решение этих четырех спорных тактических вопросов у Клаузевица следует искать в изучении последней кампании, как сказал бы он сам; то есть кампании в Маньчжурии. Ибо, как отмечает корреспондент *Times* в XLV главе "Клаузевиц в Маньчжурии" своей книги "Война на Дальнем Востоке", "Любому, кто следил за великими сражениями в Маньчжурии", будет совершенно ясно, что дух Клаузевица руководил японскими победами и оплакивал поражения русских".

ГЛАВА XII

ИЗМЕНЕНИЯ СО ВРЕМЕН КЛАУЗЕВИЦА

При чтении Клаузевица, во-первых, неизменны великие принципы природы войны, основанные на природе человека; и, во-вторых, именно его дух и практический взгляд на вещи мы хотим усвоить и применить к ПРОБЛЕМАМ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ, для чего необходимо всегда читать его с учетом изменившихся условий сегодняшнего дня в наших умах и думать, что бы он сказал при таких обстоятельствах. Эти изменения в основном заключаются в следующем:—

- (1) Улучшенная сеть автомобильных дорог.
- (2) Железные дороги.
- (3) Телеграфы проводные и беспроводные.
- (4) Улучшенное вооружение.
- (5) Авиация
- (6) Армии всеобщей воинской повинности.

Улучшение сети автомобильных дорог

Улучшенная сеть дорог в Европе (конечно, не в Маньчжурии или Афганистане, где мы должны обдумать нашу будущую стратегию, а в Европе), как выразился генерал В. Кеммерер, "теперь предлагает для передвижения армий повсюду целый ряд полезных дорог там, где раньше была доступна только одна или две", более легкие уклоны, хорошие мосты вместо ненадежных и т.д. Так что маршевая дисциплина того дня, когда артиллерия и обозы были сосредоточены для сражения *на дорогах*, пехота и кавалерия *на обочинах* дорог, исчезла. Следовательно, такая тесная концентрация сейчас невозможна, поскольку мы перебрасываем все вооружение *по* дороге, и армейский корпус с обозом или два без него - это максимум, на что мы можем рассчитывать в течение одного дня на одной дороге.

Железные дороги

"Железные дороги, прежде всего, полностью изменили термин "база", - отмечает В. Кеммерер. "Железные дороги доставляют за несколько дней людей, лошадей, транспортные средства и материалы всех видов из самого отдаленного района в любую желаемую точку нашей страны, и никому больше не придет в голову накапливать огромные запасы всех видов в определенных укрепленных пунктах на своей собственной границе с целью базирования в этих пунктах. Человек ориентируется больше не на отдельный район, специально подготовленный для этой цели, а на всю страну, которая превратилась в один журнал, с отдельными складами. Так что термин "база" теперь следует рассматривать именно в этом свете".

Старая идея базы применима только при эксплуатации в диких или полудиких странах, где нет железных дорог.

По мере того, как мы проникаем все дальше и дальше из нашей собственной страны во вражескую, и поскольку небольшой рейдерский отряд может разрушить железнодорожную линию, чтобы остановить все движение на дни или недели, охрана наших коммуникаций становится гораздо более необходимой, чем это когда-либо было во времена Клаузевица. И

армии становятся все более и более чувствительными к любому нападению на их коммуникации.

Также "такую линию нелегко изменить, и, следовательно, те знаменитые изменения линии коммуникаций в стране противника, которые сам Наполеон при некоторых обстоятельствах объявил самым искусным маневром в военном искусстве, вряд ли могли быть осуществлены дальше" (В. Кеммерер).

Также сосредоточение с помощью нескольких железных дорог требует широкого стратегического фронта, что приводит к разделению корпусов или армий, которое подготавливает путь для стратегического охвата и так далее.

Генерал фон дер Гольц в своей книге "Ведение войны" говорит: "Более поздние трактаты о ведении войны в больших масштабах в основном посвящены мобилизации и стратегической концентрации армий - разделу стратегии, который начал играть важную роль только в наше время. Это результат плотной сети железных дорог в Западной Европе, которая сделала возможным переброску крупных групп войск за удивительно короткое время. Каждая держава пытается превзойти своих соседей в этом отношении, ... что дает возможность специалисту-стратегу продемонстрировать свои блестящие качества.... Следовательно, в настоящее время часто предполагается, что все ведение войны заключено в этом одном ее разделе. "Такая завышенная оценка, конечно, является ошибкой, на которую, однако, необходимо указать.

Телеграфы

Телеграф очень сильно снизил опасность разлуки. Большим преимуществом внутренней линии во времена Наполеона и Клаузевица было то, что разделенные силы могли общаться только с помощью конных посыльных, так что, если бы враг оказался между ними, они вообще не смогли бы ни общаться, ни действовать согласованно. Телеграф полностью изменил ситуацию, поскольку полевой телеграф теперь может быть проложен так быстро, как только армия может продвигаться вперед, наиболее удаленные друг от друга группы войск могут каждый день организовывать совместные операции по телеграфу через, при необходимости, пункт в ста или четырехстах милях в тылу. Таким образом, сегодня главное преимущество внутренней линии исчезло, в то время как ее главный недостаток, возможность быть окруженной, остается.

Карты

Сейчас мы располагаем полными подробными артиллерийскими картами каждой страны Европы, обновленными благодаря последним изменениям, тогда как во времена Клаузевица карты были самого грубого характера и совершенно ненадежны по сравнению с ними.

Улучшенное Вооружение

Бездымный порох, скорострельная и дальнобойная артиллерия и винтовки, поле эффективного огня пехоты в десять раз больше, артиллерии в пять раз больше, чем было во времена Клаузевица, - все это следует иметь в виду при чтении тактической части его трудов. Как следствие, прикрытие и тактическое использование местности имеют гораздо большее значение сейчас, чем тогда, и т.д., и т.п.

Авиация

Недавние замечательные разработки в области авиации, очевидно, произведут почти революцию в "Информационной войне". В какой степени, пока сказать невозможно. Каждый год будет учить нас большому.

Вооруженная нация

Вооруженная нация как общая основа всех армий (кроме нашей собственной), созданная железными дорогами, значительно увеличивает численность в современном сражении по сравнению с тем, что было во времена Клаузевица. Сравните Аустерлиц, Дрезден, Лейпциг и Ватерлоо с Ляояном и Мукденом. Так должно быть и с нами, ибо, как говорит генерал фон дер Гольц в книге "Ведение войны": "Лучшая военная организация - это та, которая предоставляет в распоряжение ВСЕ интеллектуальные и материальные ресурсы страны в случае войны. Государству не имеет права пытаться защитить себя лишь частью своих сил, когда на карту поставлено существование целого."

В Великобритании разница, которую введение этого принципа "нации с оружием в руках" внесло в нашу военную мощь по сравнению с мощью наших будущих противников, разница относительно ГОРАЗДО БОЛЬШАЯ ПО отношению К НАМ, чем это было во времена Наполеона и Клаузевица, пока еще с трудом осознается народом или нашими государственными деятелями. Люди забывают о бессмысленных потерях в результате войны и о необходимости постоянного притока войск для восполнения этих потерь. Как выразился фон дер Гольц: "Характерно для стратегического наступления, что передовые части армии, та часть, которая ведет сражения, составляет лишь сравнительно небольшую долю, часто всего *четверть или даже одну восьмую* от общей используемой боевой мощи, в то время как судьба всей армии зависит от успеха или неудачи этой части. *Атакующие армии тают, как снег весной.* Резюмируя его замечания: "Несмотря на самую замечательную дисциплину, прусский гвардейский корпус потерял от 5000 до 6000 человек в переходах между атакой на Сен-Приват и битвой при Седане". "Наполеон переправился через Неман в 1812 году с 442 000 человек, но достиг Москвы только три месяца спустя, имея всего 95 000 человек". Весной 1810 года французы перешли Пиренеи с 400 000 человек, но все же маршал Массена в конце концов вывел только 45 000 человек на рубежи Торриш-Ведраш, недалеко от Лиссабона, где и было принято решение. И снова, в 1829 году, русские выставили на поле боя 160 000 человек, но у них осталось едва 20 000, когда в Адрианополе их спас умело заключенный мир, прежде чем их слабость стала очевидной и началась реакция. В 1878 году русские переправили через Дунай 460 000 человек, но они привели только 100 000 человек — из которых только 43 000 были боеспособны, остальные были больны — к воротам Константинополя. В 1870 году немцы пересекли французскую границу с 372 000 человек, но всего после шестинедельной кампании привели в Париж всего 171 000 человек. И так далее. Результат всего этого прост — народ, который не основан на современном принципе вооруженной нации, не может долго соперничать или соперничать с тем, кто есть, поскольку он не может ни выставить равную (тем более превосходящую) армию на поле боя с самого начала (см. первый принцип Клаузевица), ни даже поддерживать на поле боя *низшую* армию, которую он там размещает, потому что он не может отправлять постоянно необходимые свежие запасы обученных войск. Рано или поздно это должно сказаться. Рано или поздно должна возникнуть ситуация, при которой нация, основанная на устаревшей добровольной системе, *должна* пасть ниц перед нацией,

основанной на принципе "нация с оружием в руках". Обстоятельства меняются со временем, и, как давным-давно сказал мудрый лорд Бэкон, "Тот, кто не примет новых средств, должен ожидать новых бед". Пусть мы примем это лекарство до того, как столкнемся со злом!

Моральные и духовные силы на войне

Но хотя эти изменившиеся условия должны, конечно, *изменить* данные Клаузевица во многих важных деталях, все же (чтобы завершить наш круг и остановиться на том, с чего мы начали) Я повторяю, что, поскольку природа человека никогда не меняется, и поскольку на войне соотношение морального и физического равно три к одному, Клаузевиц, как великий философ-реалист и практик, изучающий действительную природу войны, как *главный представитель моральных и духовных сил на войне*, навсегда останется бесценным в изучении войны.

Подумайте, какие непревзойденные возможности у него были для наблюдения и размышления о влиянии энтузиазма и страсти, решимости и смелости, колебаний и слабости, хладнокровия и осторожности, выносливости и лишений, патриотизма и свободы, честолюбия и славы — на войну, будь то на собственном опыте или в беседах с другими не менее опытными солдатами, в течение этого долгого периода почти бесконечных войн между 1793 и 1815 годами.

Пыл, энтузиазм и безграничная энергия Революции, которая гнала французов вперед, сокрушая все перед ними в самом начале; честолюбие, военная слава, грабеж и жадность, которые воодушевляли их позже; патриотизм, религиозная и верноподданническая преданность и суровая выдержка, которые нервировали русское воинство тогда, как и сейчас; та ужасная московская зимняя кампания, когда человеческая природа достигла своего пика и опустилась до самого низа, когда крайности героической стойкости и эгоистичной черствости были видны бок о бок; великолепное восстание духа свободы и избавления от невыносимого угнетения в России. Германия, которая дала прусским рекрутам и ландверу ту же движущую силу, которую революционный энтузиазм ранее дал французам; следовательно, в 1813 году моральное превосходство, большая движущая сила перешли от французов к союзникам. Клаузевиц видел все это; он близко беседовал с такими людьми, как Шарнхорст и Гнейзенау, которые тоже видели это и руководили этим. Все его друзья тоже это видели. Поэтому неудивительно, что такая беспрецедентная серия военных явлений глубоко впечатлила его рефлексивный ум высочайшей важностью моральных и духовных факторов на войне.

Его возможности для длительного наблюдения за военными явлениями были намного больше, чем у любого писателя его времени, и следует надеяться, что они останутся такими и впредь. Ибо у нас нет никакого желания видеть еще одну серию войн, подобных Наполеоновской. Нам повезло, что тогда был такой человек, как Клаузевиц, который суммировал для нас так просто и так ясно накопленный опыт тех долгих-долгих лет резни и опустошения.

Напечатано издательством Hazell, Watson & Viney, Ltd., Лондон и Эйлсбери.

СНОСКИ

1 Книга IV. Глава 10.

2 Книга IV. Глава 3.

3 Книга IV. Глава 3.

4 Книга I. Глава 8.

5 Краткое изложение инструкций Его Превосходительству наследному принцу.

6 Краткое изложение инструкции, стр. 120.

7 Книга II. Глава 6.

8 Книга II. Глава 2.

9 Вступительное "Замечание" Клаузевица.

10 Книга II. Глава 4.

11 Книга II. Глава 2.

12 Книга II. Глава 2.

13 Книга II. Глава 3.

14 Книга I. Глава 1.

15 Под завоеванием общественного мнения Клаузевиц подразумевает приведение населения противника в состояние, благоприятствующее подчинению.

16 Краткое изложение инструкций Его Превосходительству наследному принцу.

17 Книга I. Глава 1.

18 Авторское "Введение".

19 Книга I. Глава 1.

20 Книга VII. Глава 5.

21 Книга VII. Глава 21.

22 Книга VII. Глава 21.

23 Книга VIII. Главы 7, 8 и 9.

24 Книга I. Глава 1.

25 Книга VIII. Глава 9.

26 Книга I. Глава 7.

27 Книга I. Глава 8.

28 Книга I. Глава 8.

29 Книга IV. Глава 1.

30 Книга IV. Глава 3.

31 Книга I. Глава 1.

- 32 Книга IV. Глава 3.
- 33 Книга III. Глава 15.
- 34 Книга VII. Глава 13.
- 35 Книга I. Глава 4.
- 36 Книга I. Глава 5.
- 37 Книга I. Глава 7.
- 38 Книга III. Глава 3.
- 39 Книга III. Ребята. 16–18.
- 40 Книга II. Глава 1.
- 41 Книга III. Глава 11.
- 42 Книга III. Глава 8.
- 43 Книга V. Глава 3.
- 44 Книга III. Глава 8.
- 45 Книга VIII. Глава 4.
- 46 Книга III. Глава 12.
- 47 Книга III. Глава 13.
- 48 Книга III. Глава 12.
- 49 Книга III. Глава 13.
- 50 Книга III. Глава 8.
- 51 Книга III. Глава 11.
- 52 Книга VI. Глава 28.
- 53 Книга V. Глава 10.
- 54 Книга I. Глава 1.
- 55 Книга III. Глава 13.
- 56 Книга I. Глава 3.
- 57 Книга VIII. Глава 9.
- 58 Книга VIII. Глава 9.
- 59 Краткое изложение инструкций Его Превосходительству наследному принцу.
- 60 Книга I. Глава 3.

61 Это предупреждение о последствиях разрешения свободной публикации информации, которая была бы полезна врагу, было написано пять лет назад. В нынешней войне благоразумная сдержанность нашей прессы и ее лояльное сотрудничество с правительством в лишении врага любой полезной информации показывают, что урок, на котором мы настаивали, был усвоен.— Примечание редактора.

62 Книга IV. Глава 4.

63 Книга IV. Глава 4.

64 "Руководство по тактике", том. III. стр. 136-146.

65 Книга IV. Глава 4.

66 Книга VI. Глава 1.

67 Краткое изложение инструкций Его Превосходительству наследному принцу.

68 Книга VI. Глава 5.

69 Книга VIII. Глава 9.

70 Книга VII. Глава 15.

71 Краткое изложение инструкции, "Руководство по тактике", параграф 500.

72 Книга VI. Глава 9.

73 Книга VII. Глава 9.

74 Книга VII. Глава 7.

75 Книга VII. Глава 7.

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; случайные несбалансированные кавычки сохранены.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Страница 133: Абзац заканчивается словами "В противном случае", а не точкой.